

НОВАЯ ПОЛЬША 9/2001

Содержание

1. ИНАКОМЫСЛЯЩИЙ
2. НЕЛЬЗЯ ГОВОРИТЬ “ПАС” ...
3. БЕЗ КОНЦА ОДНО И ТО ЖЕ
4. НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В ПОЛЬШЕ
5. СОЛИДАРНОСТЬ: НЕМНОГО ИСТОРИИ

ИНАКОМЫСЛЯЩИЙ

В только что минувшем столетии лишь немногие поляки удостоились полузабытого звания “государственного мужа”. Среди них Ежи Гедройц¹ занимает отдельное и особое место. Его позиции были диаметрально противоположны идеям, которые в польской политической мысли неизменно пользовались самой широкой поддержкой.

Безусловное право на это место дает ему, в частности, его отношение к “русскому вопросу”. Вся совокупность его взглядов на современное состояние и будущность польско-российских отношений кардинально отличается от воззрений тех политиков, идеологов и публицистов, которые в Польше оказывали влияние на общественное мнение, государственную стратегию и партийные программы.

Эти программы, несмотря на все свои различия, обладают одной отчетливой общей чертой: они обращены в прошлое, именно в нем пытаются найти причины и корни польских поражений и российских завоеваний и из прошлого же берут посылки для оценок сегодняшней ситуации нашей страны — ситуации совершенно новой, не имеющей аналогий в историческом прошлом. Концепцию же Гедройца отличает ее нацеленность на будущие события, на те, которым только предстоит наступить.

Судя по некрологам и посмертным апологиям, основной заслугой Гедройца было то, что он ни минуты не сомневался, что Польша вернет себе независимость, воспитывал в читателях “Культуры” веру в неизбежность этого события и сумел определить сопутствующие ему обстоятельства. Все это правда, и роль “Культуры” здесь переоценить невозможно. Но о независимости в Польше говорили все и всегда: как те, кто согласился бы даже на ее подобие, так и те, кто и слышать не хотел о независимости без возврата к довоенным польским границам. По этой причине в Польше общество терпимо относилось к феномену *графомании действия* и даже восхваляло его, а уж в особенности — если с оружием в руках. Именно этот феномен имел в виду Норвид, когда писал:

От книг у нас мало проку — слишком поздно они издаются.

А действия — скороспелы. Оттого и не удаются.

На этом извечном фоне Гедройц сумел совершить беспрецедентный подвиг: 637 номеров его ежемесячного журнала сумели опровергнуть эту горькую мысль поэта. Можно утверждать, что главной заслугой Гедройца было *заблаговременное* определение условий, необходимых для удержания и сохранения независимости. Подчеркнем: речь идет не о завоевании независимости на более или менее длительный срок, а о ее *удержании и сохранении*.

В отличие от всех практиков вооруженной борьбы и теоретиков соглашения, Гедройц, сознательно оставив в стороне прежние споры, этнические фобии, национальные предрассудки, доминирующие настроения и частные интересы, определил эти условия с редкостной смелостью и все возраставшей с годами решительностью. В его концепции ключевое место занимает вопрос отношений Польши с Россией и — что особенно важно — поляков с русскими. Более того, Гедройц был первым, кто вбил в упрямые головы, как выразился Анджей Дравич, “первые азы понимания, что “советский” — это не то же самое, что “русский”, “украинский” или “белорусский””. И если бы не эти элементарные и безудержно повторяемые увещевания, то разве удалось бы хоть кого-нибудь убедить в правильности стратегии “Культуры”?

* * *

Попробуем вкратце напомнить, в чем именно заключалась эта стратегия и, что не менее важно, какие из нее вытекают выводы. Но в первую очередь следует объяснить, почему мы говорим о “концепции Гедройца”, тогда как сам редактор “Культуры” всячески избегал публикации собственных программных статей.

Разумеется, редакционную линию “Культуры” всегда было нетрудно распознать, наблюдая характерный выбор тем и авторов. “Культура” отнюдь не была эклектическим изданием. Миф о терпимости Гедройца возник не только потому, что он обычно публиковал без комментариев даже оскорбительные письма в редакцию, но прежде всего потому, что он печатал тексты, диаметрально противоположные его взглядам — если только они были талантливо написаны и могли послужить отправной точкой для серьезной дискуссии. Однако он решительно отвергал все, что не продвигало польский вопрос вперед, а тянуло назад, в болото, в захолустье. Особенно он не переносил “эндеции”^[1] во всех ее проявлениях — и причиной тому была именно позиция этого политического течения по

отношению, с одной стороны, к России, а с другой — к Украине, Белоруссии и Литве.

Лишь в 1993 г. на страницах “Культуры” появилась рубрика “Заметки редактора”, посвященная, как правило, тем событиям в Польше, которые заслуживали саркастического комментария. Несомненно, важным источником понимания “восточной стратегии” Гедройца могут служить также его многочисленные интервью, которые он давал в последние годы прессе, радио и телевидению. Однако Гедройц пользовался ими чаще всего для того, чтобы высказать конкретные критические замечания. Он неустанно стремился оказывать непосредственное влияние на развитие событий внутри страны и использовал каждую возможность по мере сил вмешаться в это развитие. Он не тратил времени на изложение своих теоретических позиций и предпочитал бороться за реализацию практических выводов из них.

Однако самый обширный источник — это письма Гедройца. Кшиштоф Помян утверждает, что их сохранилось намного больше десяти тысяч. Из уже опубликованной небольшой части этого эпистолярного наследия можно было бы составить сборник цитат, достаточный для подкрепления излагаемых здесь положений. Но в этом нет нужды — достаточно того, что имеется в нашем распоряжении, чтобы убедиться, что страстью Гедройца было вдохновлять своих читателей и собеседников и в этом искусстве он был непревзойденным мастером. Он умел заразить своего адресата уже предварительным наброском внезапно возникшей идеи, убедить его в верности еще не оперившейся мысли, заставить развить ее, забросив все прочие занятия, и сосредоточиться только на той работе, насущную необходимость которой редактор только что в нескольких строках сумел доказать. Пишущий эти слова все это испытал на себе, когда в феврале 1969 г. во флорентийской гостинице появился Густав Херлинг-Грудзинский, чтобы вручить новоиспеченному эмигранту первые страницы тайно переданной на Запад машинописи романа Солженицына “В круге первом”, а также письмо Гедройца с предложением тут же заняться ее переводом.

Не только ошеломляющее содержание подобных предложений, но и сам тон и стиль этих писем заставлял немедленно браться за выполнение поставленной задачи. Гедройц сразу же входил *in mediam res*, в суть дела, без всяких вступлений, риторических красот, реверансов и любого рода обиняков. Его сжатые выводы не имели ничего общего с тяжеловесными оборотами, характерными для всякого уважающего себя лектора или

адвоката. Не походили они и на суконный язык чиновничьих инструкций, напоминая скорее сухой и ясный язык распоряжений, отдаваемых начальником штаба перед маневрами или предстоящей битвой. Ясная постановка вопроса, отсутствие туманных формулировок и дипломатического политеса радикально отличали эти послания Гедройца от того, как в польской традиции было принято писать на общественно-политические темы. Тон этих писем — по крайней мере известных мне и касавшихся в основном России — всегда создавал впечатление, что суждения их автора (который не видел Россию с 1919 г.) основаны на непосредственном опыте и требуют лишь систематического выполнения поставленной задачи. И, кроме того, лояльности: здесь Гедройц не терпел ни малейшей слабину. Впрочем, сведения у него были высшего качества, и он весьма основательно их проверял.

В результате эпистолярный жанр под пером человека, видящего отдаленную цель повседневных задач, стал особой формой публицистики. Станислав Цат-Мацкевич говорил, что по сути своей публицист — это политик, на время лишенный исполнительной власти. Гедройц не ждал, что это время пройдет само собой. И никто другой из наших публицистов не использовал с такой эффективностью ту власть безоружных, которую его земляк, родившийся в Белоруссии Адам Мицкевич, назвал “властью над душами”.

* * *

На многих интеллигентов моего поколения незабываемое впечатление произвела книга английского биолога Джулиана Хаксли “Что я осмеливаюсь думать?”. Беседы с Гедройцем и его письма как раз и заставляли задавать себе этот знаменитый вопрос и искать на него ответа за пределами обыденных рамок. Требования, выдвигаемые в этих письмах, вынуждали адресата работать более интенсивно и эффективно, чем это позволяло его душевное состояние и умственные способности. Гедройц заставлял людей *осмеливаться* подняться выше своих возможностей, апеллировал к их самым лучшим способностям, доселе не востребуемым, и побуждал их развивать.

Я думаю, что именно так обстояло дело с Юлиушем Меровским.

Именно Меровский стал самым читаемым, самым значимым публицистом “Культуры”, именно он осмеливался мыслить самым небанальным образом, далеким от избитых мнений и от общепризнанных перспектив. Именно

Мерошевский сформулировал и опубликовал программу восточной политики журнала и вступил в десятки полемических сражений с его противниками. Как красная тряпка на быка, действовало на них — а большинство их было родом из восточных областей Польши — хотя бы такое утверждение:

“Мы должны искать контактов и точек соприкосновения с русскими, готовыми признать право украинцев, литовцев и белорусов на самоопределение, но при этом мы, что столь же важно, должны сами раз и навсегда отказаться от Вильнюса, Львова и от любого рода политики или планов, направленных на установление (в условиях благоприятного стечения обстоятельств) нашего превосходства на Востоке за счет вышеназванных народов”.

Когда Мерошевский писал эти строки, считалось, что он выразитель мыслей Гедройца. На самом деле он был чем-то большим — предметом гордости редактора за творческую мощь убеждения, которое дает силу талантам. Их сотрудничество было исключительно редким примером подлинного симбиоза, не вынуждаемого никакой взаимозависимостью. Сегодня ясно, что наибольшую пользу из этого сотрудничества извлек Мерошевский.

Рафал Хабельский справедливо отмечает в предисловии к “Финалу классической Европы” Мерошевского: “Хотя нельзя сказать, что до войны его имя не было известно, он, безусловно, не считался выдающимся публицистом”. В журнале Гедройца он, по мнению Анджея Мицевского, стал первым публицистом новой, свободной Польши. Улучшился даже сам по себе стиль его статей, хотя по-прежнему в них больше привлекали внимание отдельные афористичные фразы, а не собранный, напряженный ход рассуждений. Их сила заключалась в размахе политического воображения, шедшего до самых отдаленных последствий обсуждавшейся ситуации. Мерошевскому принадлежит парадоксальная мысль, которую в Польше любят повторять, не особенно задумываясь о вытекающих из нее выводах: “Причиной большинства катастроф в истории было отсутствие вовсе не реализма, а наоборот — полета воображения. Реалистов везде более чем достаточно — не хватает, как правило, людей со смелым воображением”.

Наверняка он имел в виду Гедройца, воображение которого рисовало открывающиеся перед Польшей грядущие перспективы, — и эта провидческая картина вдохновляла Мерошевского, когда он ярко и убедительно отстаивал их

общие идеи. Поэтому мы будем говорить о концепции Гедройца, не забывая при этом о Меровском, — и наоборот.

Нужно особо подчеркнуть, что употребленный здесь термин “воображение” многих успел сбить с толку. Гедройц не имел ничего общего с политическими визионерами, не ссылался на явленные ему откровения и не рассчитывал на чудеса. Трудно найти пример политика более трезвого, мысль которого была бы так свободна от иллюзий и эмоций. Его программа была плодом точного расчета, непререкаемо доказывающего, что у Польши есть один-единственный реальный шанс обрести и удержать подлинную суверенность. Он вел себя как опытный проводник, который знает: из пещеры есть выход, но только один.

* * *

Гедройц был одержим идеей независимости. Известно, как он оберегал независимость своего журнала. Независимость государства он считал абсолютно необходимым условием естественного развития всех и всяческих общественных процессов. Ему были известны отклонения и тупики, в которые заходили эти процессы в Польше на протяжении ее истории, и их губительные последствия, но самым грозным роком, тяготеющим над государством и обществом, он считал катастрофическое геополитическое положение страны.

Это было положение того самого зернышка, что угодило меж двух жерновов.

Польша была единственным крупным государством на европейском континенте, расположенным между двумя растущими державами, гораздо более сильными и более населенными. Она оставалась в этом положении на протяжении всех тех столетий, когда естественным, простейшим и всеми широко используемым способом умножения могущества и ресурсов страны была территориальная экспансия. Да что тут скрывать — и Речь Посполитая этим не гнушалась, но без особой рьяности, ибо собственной исполнительной власти она сама укоротила руки. В результате она стала добычей более сильных соседей — весьма надолго, и даже с повторениями.

У тех, кому в то время не давал покоя кошмарный образ двух жерновов, было не слишком много способов справиться со злом: все они оказались безуспешными. Можно было пытаться договориться с захватчиками, но этот способ принес плоды лишь там, где мельник (австрийский) был вынужден ослабить

гнет под давлением совсем иных обстоятельств. Во всех остальных случаях он заканчивался достижением компромисса — как говорят в народе, между задницей и дубинкой. Вторым способом была вооруженная борьба — либо опираясь на собственные силы, либо же в надежде на вмешательство предполагаемых союзников. Целью этой борьбы было изгнание захватчиков с польских земель.

Но даже в случае успеха (который в конце концов пришел как бы сам собой) это означало лишь возвращение к прежнему геополитическому статус-кво. Все межвоенное двадцатилетие прежняя угроза продолжала висеть над Польшей, и пока оба жернова слаженно стремились стереть Польшу в порошок, а их конфигурация и характер не менялись — история была обречена на повторение.

* * *

Шагая взад-вперед по Бельведеру,

Пилсудский не уверует в стабильность.

“Они на нас, — твердит он, — нападут”.

Кто? И покажет на восток, на запад.

“Я без истории всего лишь задержал”.

(Пер. Н.Горбаневской)

Можно не сомневаться, что эту строфу Милоша из “Поэтического трактата” Гедройц повторял чаще всего. Другие, понимая положение Польши, после II Мировой войны уже полностью попавшей в одну сферу влияния, впадали в отчаяние.

Гедройц же осознал, что для того, чтобы найти выход из безвыходного положения, можно попробовать сделать то, о чем ни соглашатели, ни повстанцы с подпольщиками не считали нужным даже задумываться — настолько это казалось невозможным, недостижимым, нелепым, — а именно: изменить геополитическое положение страны. Гедройц думал не о том, чтобы всего лишь вытеснить захватчиков из страны, но о том, чтобы ускорить процесс их метаморфозы и использовать переломный момент для закрепления независимости Польши раз и навсегда.

Проект казался абсурдным, ибо осуществление его было возможно лишь при таком стечении обстоятельств, которое давно уже считалось невероятным. Прежде всего имелся в виду

бескровный распад Советского Союза и обретение независимости народами, населяющими пространство между Россией и Польшей. Именно это стечение обстоятельств Гедройц априори считал единственным реальным шансом на восстановление подлинной суверенности Польши — и все поставил на эту карту. Когда оказалось, что его прогнозы в точности сбылись, он добивался уже только одного: чтобы поляки извлекли выводы из столь радикальной перемены своего положения. Он предвидел как эту перемену, так и пренебрежение вытекающими из нее выводами.

Теперь он мог полностью посвятить себя партии, которая разыгрывалась на польском “ближайшем Востоке”, ибо у него на руках был еще один туз — практически полное исчезновение угрозы германского реванша и ставшая чисто гипотетической возможность нового “Drang nach Osten”.

Произошло это не только в результате поражения Третьего Рейха и оккупации Западной Германии союзниками. И вовсе не потому, что Польша входила в состав “социалистического лагеря” и ее границы защищали его войска. Трезвый расчет подсказывал политикам с воображением, что польские Западные земли — это самый подходящий капитал, в обмен на который Сталин может добиться соглашения с Германией, и даже после ее объединения — будь то по его соизволению или без оно. Он только и мечтал о возврате к бисмарковской идее российско-германского союза, который позволил бы вырвать самую крупную страну на европейском континенте из-под пристальной опеки США. Польские старожилы Щецина (ранее Штеттина) еще помнят “состояние невесомости”, в котором долго жил город. Эти расчеты Сталина оказались подорваны вступлением ФРГ в НАТО, а затем в Европейское экономическое сообщество, но окончательно их лишила смысла экономическая революция, происшедшая после II Мировой войны на Западе. Благодаря ей территориальная экспансия стала экономически невыгодной, а значит, и ненужной. Примером и доказательством тому стал процесс деколонизации. Стоит напомнить, что только советская империя не сумела произвести деколонизацию.

Важность исчезновения “германской угрозы” Гедройц оценил сразу же: иллюстрацией его политической дальновидности и интуиции может служить тот факт, что руководимое им издательство “Институт литератский” уже в 1946 г. опубликовало “Записки о путешествии в Австрию и Германию” Ежи Стемповского. Это была первая после войны попытка увидеть в немцах людей. Однако убедить соотечественников

по-новому взглянуть на открывшиеся перспективы можно было лишь одним способом: заставить их обратить взгляды на восток, на тамошнее “ближнее зарубежье”. Нужно было требовать от них жертв: чтобы они отказались не только от притязаний на Львов и Вильнюс, но прежде всего от предубеждений по отношению к литовцам и белорусам, а особенно к украинцам. Радикальное улучшение отношений с этим народами, отказ от любых попыток господства над ними, признание их своими союзниками Гедройц ставил в центр своего проекта. Более того — он считал это непременно этапом и условием глубокого и прочного оздоровления отношений с Россией. По сути именно это и было конечной целью Гедройца.

В своей стратегии Гедройц исходил из предпосылки, что переход к этому процессу оздоровления раньше или позже станет следствием не сиюминутных расчетов, а неизбежных перемен. Катализатором же этих перемен будут межнациональные конфликты, которые в конце концов взорвут империю изнутри и коренным образом изменят геополитическое положение как России, так и Польши. Только это позволит достичь заключения подлинного соглашения, сторонами которого будут равноправные субъекты международного права. Заметим в скобках, что Меровский надеялся на внутреннюю эволюцию коммунистической системы, тогда как Гедройц полагал, что она не поддается реформированию.

Весьма знаменательно, что он не придавал большого значения и коммунистической идеологии, считая ее пустой скорлупой от выеденного (или протухшего) яйца. Вовсе не идеология, по его мнению, сплачивала империю воедино. Более того, он вполне отдавал себе отчет в том, что того же мнения придерживались фактически все партийные бонзы соцлагеря: последняя поступившая из Кремля директива имела большее значение для толкования доктрины, чем все страницы “Капитала”. Он даже мог использовать неуклюжий термин “советизм”, только чтобы объяснить читателям, что, собственно, имеется в виду. Все остальное полностью объяснила публикация “Культурой” капитального труда Лешека Колаковского “Основные течения марксизма”.

* * *

Как известно каждому прилежному ученику, империи тем и отличаются от других типов государств, что смысл их существования — расталкивать локтями на карте своих соперников и, значит, поглощать все новые и новые народы.

“Что не растет, то гниет” — это присловье гофмейстера и канцлера Екатерины Великой, очень неглупого Александра Безбородко, стала девизом внешней политики Российской империи. Первым “приращением” оказалась Польша, извечный соперник, в то время уже безвольный.

Причиной соперничества с обеих сторон было стремление к господству над землями и ресурсами соседей — все тех же белорусов, литовцев, украинцев. Поэтому можно было думать, что обретение этими народами независимости устранил сам предмет конфликта между Польшей и Россией. В предположении, разумеется, что обе стороны откажутся от искушения вернуться к прежней роли.

Здесь непременно следует напомнить одно рассуждение, опубликованное в “Культуре” в 1975 г. и поистине поразительное — не только в связи со столь ранним появлением. Эти несколько фраз объясняют, почему Гедройц с Меровским не рассматривали “проблему УЛБ” (Украины, Литвы и Белоруссии) в отрыве от “русского вопроса”. В то же время речь идет об одном из тех положений, которые делают концепцию “Культуры” по-прежнему необходимым инструментом современной и будущей польской политики на территориях к востоку от Буга. Меровский писал следующее:

“Если для упрощения обозначить территорию, охватывающую Украину, Литву и Белоруссию, как УЛБ, то следует отметить, что в прошлом — а в известной степени и сегодня — территория УЛБ была чем-то большим, нежели просто яблоком раздора между Польшей и Россией. Территория УЛБ определяла саму форму польско-русских отношений, обрекая нас либо на империалистическую политику, либо на роль страны-сателлита.

Было бы безумием надеяться, что Польша может исправить свои отношения с Россией, признав проблемы УЛБ внутригосударственными проблемами России. Соперничество между Польшей и Россией на этих территориях всегда имело целью установить превосходство, а не добрососедские польско-русские отношения”.

Поэтому тот, кто желает установления этих добрососедских отношений, должен согласиться, что независимость народов УЛБ является не только наиболее очевидной гарантией, но и условием того, что Россия покинет прежний, имперский путь и вступит на новый — тот же путь интенсивной (а не экстенсивной) экономики, не требующей ни территориальных захватов, ни экспансии, ни вооруженных конфликтов, на

который уже вступили все державы, вчера еще колониальные, от Англии и Нидерландов до Японии и Германии. И со вполне ощутимой пользой для себя и соседей.

А тот, кто истосковался по прежним, вассальным отношениям времен ПНР и СССР — тот будет писать о сторонниках Гедройца как об “оуновском лобби”^[2], как это и делает рупор сегодняшней эндеции газета “Мысль Польска”. Гедройц же, страстно желавший распада империи и убежденный, что независимость Украины станет барьером на старом, губительном пути возврата к ее прежним границам, видел в укреплении этой независимости прежде всего условие гораздо более масштабного процесса. Для него речь шла о новом месте России в Европе, о таком ее процветании, которое сделает ненужным стремление к агрессии и росту за чужой счет. “С кем граничит СССР?” — спрашивало мифическое “армянское радио”. И отвечало: “С кем хочет, с тем и граничит”.

В политической программе “Культуры” не было и следа стремления свести Россию к размерам и значению Великого Княжества Московского, никто на ее страницах не призывал к распаду Российской Федерации, никто не пытался внушить русским, что “small is beautiful”^[3]. Впрочем, о чеченцах, как и о всех тех нациях, включение которых в состав РФ не опиралось ни на их желание, ни на географию, “Культура” говорила в полный голос. С другой стороны, Гедройц высказывался также против ущемления прав русских, которые стали меньшинством в новых республиках. В том числе и в Польше. Об отношении этого трезвейшего человека к России и русским свидетельствуют не только многочисленные упоминания о прочитанных им русских авторах в его “Автобиографии в четыре руки”. но и тот факт, что замечательный переводчик русской литературы Земовит Федецкий по просьбе Гедройца на собственных плечах принес и установил крест на забытой (и заброшенной на одном из варшавских кладбищ) могиле русского мыслителя Дмитрия Философова. Гедройц познакомился с ним в 20 е годы в варшавском клубе белоэмигрантов “Домик в Коломне”. После кончины Ирины Иловойской, главного редактора газеты “Русская мысль”, автор этих строк получил факс с поручением от Гедройца — написать о ней “возвышенно и горячо”. А в последнем, 637 м номере “Культуры” единственным поэтическим откликом на смерть ее редактора были два стихотворения Натальи Горбаневской, прекрасной русской поэтессы и члена редколлегии “Новой Польши”.

И еще напомним здесь, что в девятый день кончины Гедройца, уже после его похорон на католическом кладбище в Лемениль-ле-Руа под Парижем, в соответствии с его последней волей в парижском православном кафедральном соборе Св. Александра Невского была отслужена панихида.

* * *

Павлу Герцу принадлежит изящный афоризм: “Беда России в том, что она не слушала своих великих писателей, а Польши — в том, что она своих слушала”.

Можно полагать, что самое серьезное влияние на умы читающих поляков оказали не столько поэты, сколько историки. Факты свидетельствуют, что влияние это отнюдь не было благотворным.

У историков был авторитет и аудитория, им не слишком докучала цензура, их концепции не считались пустыми мечтаниями, на них не нападали сторонники конкурирующих поэтических школ, им не приходилось умирать в богадельнях. Они не требовали от своих читателей, чтобы те обладали музыкальным слухом, заучивали наизусть сотни строф и знали, что такое оксюморон. Свой воспитательный долг они выполняли по отношению ко всей нации, а не к кучке энтузиастов. Они были хранителями и носителями сокровенного знания — и от них это знание о Польше переходило ко всем учителям будущих поколений. В эпоху, когда не было телевидения, они — наряду с духовенством — были единственными наставниками масс; впрочем, самый выдающийся представитель самой влиятельной исторической школы Валериан Калинка сам был священником. Правда о настоящем зависела от завоевателей, но прошлое было всецело и безраздельно польским. За советом, примером, утешением люди шли к историку.

Таким образом, не только идейные сражения, но и практические споры о политической (и даже военной) стратегии велись с использованием исторических аргументов и по большей части с преимущественным участием достопочтенных историографов. С течением времени все чаще оказывались востребованными аргументы утешительного характера. Возвышенный тон историков был многократно усилен книгами Сенкевича. Вероятно, нигде в мире крылатое выражение “*historia magistra vitae*”^[4] не оказалось столь свято почитаемым и столь обманчивым.

Причина была очевидна. Исследования, дискуссии и страсти польских историков обращались почти исключительно вокруг двух вопросов. “Соглашатели” и сторонники вооруженной борьбы предлагали на них диаметрально противоположные ответы, но были единодушны в их постановке. Ошибка же заключалась не столько в самой постановке вопросов, сколько в уверенности, что ответы на них пригодятся в полностью изменившихся обстоятельствах.

Первый вопрос касался причин упадка Польши, ее разделов и утраты государственности. Результаты анализов и дискуссий не были приняты во внимание на практике, когда наступил долгожданный момент — ни в 1918, ни в 1939, ни даже в 1989 году.

Второй вопрос полностью уместился в заглавии великолепной книги Томаша Лубенского: “Биться или не биться?”

Но даже этот вопрос рассматривался исключительно в свете прежнего исторического опыта. Если кто-то и рассматривал его с точки зрения возможных перспектив, которые можно предвидеть заранее, то он, как правило, принимал в качестве **неизменных величин** (или **инвариантов**), с одной стороны, мощь, союзы и положение противника, а с другой — предполагаемую готовность к действиям наших желательных союзников. Результатом мог быть (и был) либо самоотверженный повстанческий порыв без шансов на победу, либо капитуляция вместе с коллаборацией.

Особое место среди этих **исторических инвариантов** занимала и продолжает занимать уверенность в неизменности основных черт российского государственного устройства и так называемого **русского национального характера**.

* * *

Весь этот затянувшийся исторический экскурс был необходим только для того, чтобы контрастнее обозначить исключительность занимаемых Гедройцем позиций и тактики, которую он пропагандировал на страницах “Культуры” почти с самого момента ее основания. Его девизом могли стать слова Меровского, опубликованные несколько позже: “Эмигранты всегда думают о возврате к прошлому. Народы же никогда не борются за прошлое, а всегда — за будущее”.

Важной причиной расхождений между кругом “Культуры” и лондонской эмигрантской средой было то, что последняя переняла в качестве почитаемой традиции все укоренившиеся

навыки, стереотипы и скомпрометировавшие себя политические обычаи. Дискуссию о разделах Польши подменили споры о причинах сентябрьского поражения [1939 г.] и попытки пригвоздить виновных к позорному столбу. Но в пантеоне национальных мифов первое место по-прежнему продолжал занимать миф героического поражения: преемником Сикорского на посту главы правительства в изгнании стал не победитель в битве под Монте-Кассино генерал Андерс, а командующий обреченного на разгром и жестоко подавленного Варшавского восстания генерал Бур-Коморовский.

В этой обстановке Гедройц издал “Трансатлантик” Гомбровича, ставший самой громкой пощечиной трескучему ура-патриотизму. Он напечатал книги Анджея Бобковского, Петра Гузы, Страшевича, ставящие с головы на ноги образ поляка, оказавшегося похожим на экзальтированного скаута-переростка. И, наконец, начал издавать серию публикаций “Исторические тетради”.

Да, Гедройц историей не пренебрегал и не повторял вслед за Генри Фордом: “History is [more or less] bunk”^[5]. Он не хотел оставлять ее на произвол последышей всевозможных довоенных партий, но прежде всего стремился отразить с помощью аргументов волну лжи, вздымавшуюся в ПНР, и собрать максимум свидетельств участников истории — еще живых, добросовестных, посвященных в ее тайны.

Результатом этого блистательного начинания стало то, что будущим исследователям польская новейшая история уже никогда не будет казаться чем-то вроде минного поля. Именно новейшая история занимала мысли редактора “Культуры”, а не Великий Сейм или прусский союз. Но особую роль было суждено сыграть тем выпускам “Исторических тетрадей” и книгам, изданным “Институтом литерацким”, где речь шла о России и о поляках в России.

Именно Гедройц опубликовал “На бесчеловечной земле” Юзефа Чапского, “Иной мир” Густава Херлинга-Грудзинского, “В тени Катыни” Станислава Свяневича, “После освобождения” Виктории Красневской (псевдоним Барбары Скарги) и многочисленные воспоминания поляков о ссылке и плене, о российских тюрьмах и лагерях.

Но наряду с ними в том же издательстве выходили воспоминания старых польских коммунистов, которым удалось выбраться из СССР живыми, — например, рассказы Вацлава Сольского или “Остатки от пира богов” Игоря Неверли.

Еще раньше Гедройц издал “Польско-российский альянс” Вацлава Ледницкого, где автор рассказал о важном эпизоде сотрудничества между польскими и русскими либералами в российской Государственной Думе. Постоянный раздел, посвященный советской теме, вел в “Культуре” Михаил Геллер (под псевдонимом Адам Кручек) — крупный историк, автор “Истории Российской империи”, перевод которой недавно издан в Польше. Вышли в свет три номера “Культуры” на русском языке. И наконец — польские переводы тех произведений русских писателей, которые в ПНР никто не осмеливался даже прилюдно читать, не говоря уже об их публикации. Первыми были рассказы Терца (Андрея Синявского) и Аржака (Юлия Даниэля), нелегально доставленные прямо к польскому издателю, к Гедройцу, и “Доктор Живаго” Пастернака. Позднее по одной или по нескольку страничек начали поступать текстты Солженицына, его романы и “Архипелаг ГУЛАГ”, направлявшиеся, как уже было сказано, в Рим, к автору этих строк (“Раковый корпус” перевел Юзеф Лободовский). И многое-многое другое.

Важнейшими особенностями всего этого корпуса произведений русской литературы (или же книг, посвященных России) были следующие. Во-первых, изобилие образов и сведений, которые были призваны возбуждать не презрение и ненависть, а сочувствие, солидарность и интерес к столь схожим историческим судьбам. Во-вторых, это было собрание доказательств. И того, что Россия сегодняшняя отличается не только от всего остального мира, но и от России прежней, а также от той России, которая существовала только в наших освященных традицией национальных мифах и легендах. И что СССР — это тирания не только страшнее царской, но и (по существенным причинам) в корне иная. И что там есть люди, которые хотят перемен.

Лагерная литература, как русская, так и польская, сокрушила излюбленный польский стереотип порабощенного русского, уважающего лишь власть кнута. Лагеря были заполнены не только невинными жертвами, и миллионы осужденных по 58 й статье оказывались там именно потому, что им было неизвестно, по выражению Мицкевича, “одно лишь мужество — покорного раба”.

* * *

От абсолютного большинства не только своих соотечественников, но и всемирно известных советологов, экспертов, знатоков закулисной жизни Кремля, специалистов в области прошлого и будущего России Ежи Гедройца отличало

отсутствие одного предрассудка: веры в исторический детерминизм. Уже просто как трезвый политик он не верил в неизменность национальных характеров и исторических судеб. Помню, как развеселил его фрагмент из воспоминаний Бакунина, который после многолетнего пребывания в Германии пришел к выводу, что Германия — идеальное поприще для пропаганды анархизма, ибо немецкий народ состоит из индивидуалистов, напрочь лишенных “государственной струнки”. Кроме того, Гедройц провел среди русских детство и юность и вернулся в Польшу без ощущения, что имел дело с экзотическим племенем. Он разделял мнение автора этих строк, что за особенности национального характера русских мы принимаем особенности их системы правления. Да будет мне позволено напомнить, чтобы сделать рассуждения более актуальными, что в 1999 году на страницах “Культуры” я вступил в полемику с профессором Ричардом Пайпсом. Его известные труды об истории России и большевистской революции показались мне отмеченными печатью именно этого духа предопределенности и детерминизма, который в Польше известен благодаря многотомному труду Яна Кухажевского, знаменательно озаглавленного “От белого царизма — к красному”.

Гедройц был далек от детерминизма. Если бы он полагал, что форма империи — это единственное предназначение России, он не принялся бы за столь кропотливый труд, как разработка и пропаганда своей концепции, а заранее счел бы дело независимости Польши обреченным на поражение. Он считал, что враг Польши — отнюдь не Россия как таковая, а империя. Он убедился также, что среди самих русских есть немало сторонников этой идеи — как есть и немало ее заядлых противников среди поляков.

Чтобы заострить эту ключевую проблему и сделать ее более наглядной, попробуем прибегнуть к простой антитезе.

* * *

Дальновидность, гражданское мужество, верность принципам, но в особенности суть убеждений Ежи Гедройца позволили нам с самого начала заявить, что мы рассматриваем его позиции как диаметрально противоположные традициям, которые были в польской политической жизни слишком общеизвестны и слишком распространены. Мне кажется, что эти позиции и воззрения наиболее ярко и, вероятно, наиболее полно воплотил в себе Александр Бохенский.

Я выбрал именно его, так как он шел дальше других в направлении, противоположном устремлениям Гедройца, наиболее четко формулировал свои предпосылки и выводы и обосновывал их, используя обширную историческую эрудицию, знание источников и всевозможных комментариев к ним. Словом, Бохенский был великолепно подготовлен к защите выдвигаемых им положений и предлагаемых действий. Их пороком было не то, что они диаметрально отличались от концепций и начинаний редактора “Культуры”, но то, что вначале они были отмечены малодушием, а в конце оказались просто ошибочными.

Александр Бохенский был человеком весьма незаурядным, наделенным недюжинными способностями. Его братьями были о. Юзеф Бохенский, известный логик из швейцарского Фрибурга, и Адольф Бохенский, публицист и политолог, который в самом начале войны заявил, что “с этой войны приличные люди живыми не возвращаются”, что вскоре и подтвердил своей гибелью. Именно Адольф первым увидел в Гедройце “самого серьезного в нашем поколении кандидата в премьеры”. Все трое были сотрудниками Гедройца в эпоху, когда он в первой половине 30 х годов был редактором журнала “Бунт молодых”. Следует отметить, что на его страницах Александр Бохенский по примеру своего редактора защищал от репрессий украинское меньшинство. Однако вскоре их пути разошлись. В своей “Автобиографии на четыре руки” Гедройц сообщает, что почти сразу же после сентябрьского поражения, оказавшись в Бухаресте, он получил от Александра Бохенского открытку из оккупированной Польши: “Формируем правительство, не будь дураком, возвращайся”. Комментарий Гедройца лаконичен: “Он был принципиальным коллаборационистом, готовым сотрудничать с немцами даже после проигранной войны. Но, в отличие от С., он распространил этот принцип и на послевоенную Народную Польшу. В конце концов, ведь это он придумал Пясецкого”^[6].

По правде говоря, Пясецкого придумал генерал НКВД Серов, но остается фактом, что именно Александр Бохенский возглавлял группу, которая явилась в приемную Берута, и именно он на вопрос секретарши ответил: “Доложите господину президенту, что пришли католики от господина Борейши”^[7]. Так родился “Пакс”, подлинный шедевр в области политической “пятой колонны”. Бохенский был фактически его самым серьезным идеологом, хотя предпочитал держаться в тени.

Члены этой организации взяли на себя задачу проведения в жизнь целей, полностью противоположных тактике и

стратегии “Культуры”. Ради укрепления советского господства в Польше они подрывали солидарность общества — начиная с церковной общины и кончая литературными образцами. Важнейшей новинкой в их тактике была ставка не на набившие оскомину аргументы рационализма, антиклерикализма и т.п., а наоборот — на весь арсенал польских национальных фобий. “Пакс” постоянно держал наготове то пугало “германского реваншизма”, то антисемитизм. Творчески сочетая наследие эндеков с достижениями большевиков, он был вполне удачным гибридом “черной сотни” и Красной гвардии. Никто в Польше (задолго до марта 1968 г.) не осмелился бы столь открыто проповедовать идеи шовинизма и ксенофобии, никто не мог бы пропагандировать столь крайний и дремучий вариант образа “поляка-католика”, если бы не чувствовал себя в безопасности благодаря своим демонстративно просоветским позициям. Ко всему прочему, эти позиции подкреплялась методичным натравливанием поляков на украинское меньшинство в органе “Пакса” газете “Слово повсехне”. На публикуемые там перлы Гедройц реагировал кратко: “Горбатого могила исправит”.

Что же касается Александра Бохенского, то нельзя не признать, что его тогдашние статьи и эссе своим мастерством и честностью — да, честностью! — несравненно превосходили печатные опусы сегодняшних сторонников так называемого “русского варианта”. Дело даже не в медвежьей услуге, которую эти последние оказывают партиям, с готовностью отмежевывающимся от многолетней зависимости от московского центра. Дело в том, что у них сегодня уже нет того, что в 1945 г. у Бохенского все-таки было, — уверенности, что для Польши нет лучшей формы существования, чем статус протектората СССР.

Именно эту идею он защищал в своей книге “История глупости в Польше”.

Уже само заглавие привлекает читателя, хотя ее содержание позволяет в конце концов прийти к выводу, что сама эта книга служит доказательством преемственности некоторых традиций. Написана она страстно, использованный научный аппарат необъятен. Книга посвящена обзору мнений польских историков о событиях, предшествовавших разделам Польши, и анализу их причин. Бохенский добросовестно и обильно цитирует суждения, против которых выступает, и делает это для того, чтобы доказать, что Россия на самом деле была против разделов, ибо стремилась завладеть *всей* Польшей. При этом

“завладеть”, как считает Бохенский, “означает связать государство тесным союзом, иметь в нем свою влиятельную клику, короля, приверженного их целям, одним словом — фактически сделать его своим вассалом”.

Ценность этой формулировки в том, что она кратко выражает идеал, который считали желательным для современной Польши люди из “Пакса” и их покровители.

Главный довод Бохенского, который должен был окончательно убедить поляков, что вассальную зависимость от СССР следует принимать не привередничая, как должное, заключался в том, что вовсе не репрессии царского режима побуждали людей к восстаниям, а наоборот, эти репрессии сами были лишь реакцией царизма на протесты и восстания. Аргумент хоть и спорный, но полезный. Он доказывает, что царская Россия все же признавала римский принцип “*parcere subiectis et debellare superbos*”^[8]. Заметим в скобках, что российские законодатели начиная со Сперанского весьма неплохо (и не без причин) потрудились, цивилизуя систему репрессий и наказаний. Введенные при Александре II российские суды присяжных стали образцом для стран Запада. Сталин, однако, Вергилия не читал и профилактически ликвидировал как покорных, так и горделивых. Но, как на удивление, определенные (скромные) послабления в странах соцлагеря падали с неба как раз после восстаний (как, например, “гуляш-социализм” в Венгрии или милости Герека после декабрьских событий 1970 г. в Польше).

Не думаю, что Бохенский проповедовал свои идеи из корыстных соображений. И раз уж на смертном одре (в 1999 году) он был награжден одним из высочайших орденов Речи Посполитой, следует воздать ему должное — хотя бы предполагая в нем наличие доброй воли. Ясно, что малодушие толкало его к капитуляции — так, на всякий случай. Но к идеям о протекторате и вассальной зависимости он пришел, движимый страхом. Его угнетали те же кошмарные видения угрожающих Польше жерновов, клещей, молота и наковальни, что мучили Гедройца.

Разница в том, что Гедройц не верил ни в геополитическую предопределенность, ни в долговечность тирании, ни в тысячелетние империи. На его глазах вдребезги распалось полдюжины империй, и он не видел, почему следует полагать, что Россия станет исключением из правила. Кроме того, он не считал, как Александр Бохенский, что нет никакой разницы между царской Россией и СССР и что Россию никто и ничто не изменит. Он помнил о временах Столыпина, который в течение

считанных лет изменил тысячелетнюю рабскую жизнь российской деревни и создал новый класс зажиточных хозяев. Поэтому Гедройц не думал, что Россия, и только Россия, обречена на вечное возвращение к одним и тем же формам социально-экономического устройства. С другой стороны, у него не было иллюзий насчет благотворных перемен в характере того материала, из которого Бохенский пытался скроить для Польши лакейскую ливрею: он прекрасно помнил, как в 1968 г. зачлись чехам и словакам их многолетняя покорность и степенное соглашательство.

* * *

Вот в чем суть дела: Гедройц просто-напросто не желал принять к сведению, что статус протектората и вассальная зависимость — для Польши неизбежность, а для России благо. И потому он впряг весь свой ум и всю свою энергию в обдумывание планов, которые позволили бы уже никогда в будущем не принимать во внимание подобную возможность. Он считал, что если уж человек проводит 55 лет жизни за редакторским столом, то не затем, чтобы препираться о том, как лучше выторговать куцую полусвободу.

Он придерживался мнения, что само по себе членство в НАТО не может гарантировать Польше безопасного будущего. Да, действительно, зонтик НАТО защищает от дождя, однако Гедройц желал для Польши чего-то большего — устойчивой погоды. Обеспечить ее может только устранение главного мотива векового конфликта между Польшей и Россией и взаимопонимание с теми русскими, которые понимают, что империализм уже изжил себя. А если безопасное будущее Польши — даже в качестве члена НАТО — по-прежнему зависит от направления перемен на Востоке, то нужно поддерживать там геополитические условия, которые радикально устраняют причину конфликтов и исключают возможность возврата прежней угрозы, а не только от этой угрозы защищают.

В результате восточную программу Гедройца можно сегодня свести к весьма сжатому перечню нескольких простых положений. Нет никакой гарантии, что эти положения будут поняты и приняты политиками, от которых зависит использование остатков небывалого в польской истории стечения обстоятельств, коренным образом изменившего в минувшем десятилетии геополитическое положение страны. Тем не менее, общественному мнению Польши и России эти положения должны быть известны. Все они вытекают из исходных предпосылок создателей “Культуры”. Вот они:

— установление добрососедских и взаимовыгодных отношений между Польшей и Россией стало и необходимым, и возможным — именно потому, что Польша наконец избавилась от статуса вассала;

— эта цель может быть достигнута только при одновременном выполнении трех условий:

1) если это произойдет не за счет независимости и жизненных интересов общих соседей Польши и России, в первую очередь Украины;

2) если Россия войдет в состав европейских экономических структур, в принципе эгалитарных и исключающих чью-либо гегемонию, но за это гарантирующих такое процветание, которое делает агрессию анахронизмом;

3) если это произойдет при сознательном участии самих русских. Без русских Россию изменить не удастся.

Иллюстрацией того, как важно было для Гедройца проведение этой программы в жизнь и какое значение он придавал ее последнему пункту, может служить пример “Новой Польши” — ежемесячного журнала, выходящего с 1999 года. Это было одно из его последних начинаний — и, быть может, последнее, осуществление которой он успел увидеть. Поручая автору этих строк это задание — просто-таки обязывая его это задание принять, — он подчеркивал необходимость заинтересовать и объединить вокруг журнала таких представителей российской интеллигенции, которые не только захотят больше узнать о Польше и принять наши доводы, но и сумеют осознать, что программа “Культуры” может оказаться полезной не одним лишь Польше или Украине, а самой России, ее новой роли в Европе.

Заметим, что эта программа довольно далеко выходит за пределы собственно польско-российских отношений. Во всяком случае, это первая программа, которую поляки предлагают русским не на острие копья.

Безмерная заслуга Гедройца состоит в том, что он на долгое время прервал историю глупости в Польше. Теперь уже не от других, а только от самих поляков зависит, окажется ли это лишь паузой или же поворотным моментом в истории польской политической мысли.

Очерк является главой из сборника “ЕЖИ ГЕДРОЙЦ. Редактор, политик, человек” (под редакцией и с предисловием Кшиштофа

Помяна), который будет издан в октябре 2001 г. Товариществом попечения об Архиве Литературного института в Париже и издательством Люблинского университета им. Марии Кюри-Склодовской.

1. Ежи Гедройц (1906–2000) — публицист, политик, основатель (1947) и бессменный редактор издававшегося во Франции журнала “Культура” и издательства “Институт литерацкый”. Родился в Минске, потомок рода литовских князей. Был членом редколлегии “Континента” и украинского журнала “Виднова”. См. о нем также №10 “Новой Польши” за прошлый год, выпущенный после его кончины. — Здесь и далее примечания переводчика.
2. Так сокращенно называют право-националистическое движение “Национальная демократия”, возникшее в конце XIX в., а впоследствии распадавшееся на различные партии, вновь объединявшееся и т.п. Самым крупным деятелем НД был Роман Дмовский (1864–1939). Он считал, что Польша может обрести частичную независимость, сохранив верность России и выступая против Германии. Его лозунгами были: “С кем угодно — даже с Россией — против Германии” и “Польша для поляков” (последний привел его к антисемитизму). Замысел “отца польской независимости” Юзефа Пилсудского (1867–1935), постоянного политического противника Дмовского, заключался в том, чтобы Польша объединилась в федерацию с Чехией, Словакией, Литвой, а также с независимыми Белоруссией и Украиной, где все члены федерации были бы равноправны. Этот замысел ему осуществить не удалось. В сильном упрощении можно сказать, что для Пилсудского главными были враги внешние, а для Дмовского — внутренние. Пилсудчики обращались к польской традиции религиозной и межнациональной терпимости, а эндеки (национал-демократы) ее отвергали. Поэтому, в частности, эндеки были яростными антисемитами, а сторонники Пилсудского считали евреев органической частью польского общества.
3. Организация украинских националистов (ОУН) — нелегальная партия, созданная в 1929 г. и объединявшая сторонников государственной независимости Украины. В 1942 г. на базе ОУН была создана Украинская повстанческая армия (УПА) во главе со Степаном Бандерой, которая сражалась против немцев, советских партизан, Красной армии, а также (после 1944 г.) против войск коммунистического режима в Польше. Так что “оуновское

лобби” вполне можно было бы перевести известным русскому читателю выражением “бандеровские прихвостни”.

4. “Малое прекрасно” (англ.)
5. “История — учительница жизни” (лат.)
6. “История — это более или менее чушь” (англ.)
7. Болеслав Пясецкий (1915-1979) — до войны политический деятель, эндек экстремистского толка, с 1941 г. — командующий созданной им “Конфедерацией нации”, в 1943 г. влившейся в Армию Крайову. После войны был арестован органами НКВД, но вскоре вышел на свободу и стал основателем объединения светских католиков “Пакс”, активно сотрудничавшего с коммунистами. С 1971 г. — член Госсовета ПНР.
8. Ежи Борейша (1905—1952), служил в советской армии, в политотделе 1 й армии Войска Польского в СССР, затем стал основателем крупного издательства “Читальник”, обеспечивая новому режиму сотрудничество “попутчиков”. Пикантность приведенному историческому анекдоту придает тот факт, что Борейша был не только коммунистом, но и евреем.
9. “Покорных щадить и усмирять горделивых” (Вергилий, “Энеида”, VI, 53)

НЕЛЬЗЯ ГОВОРИТЬ “ПАС”...

Вся моя жизнь — это попытка справиться с вызовами. Иногда мне это удастся, чаще, пожалуй, нет. Я падаю, встаю и начинаю снова.

Яцек Куронь. Звездный час (1991)

Яцек, сын Генрика

Во время спектакля для детей во львовском Большом театре на сцену неожиданно ворвался совсем маленький мальчик, и это стало предвестием его будущей долгой и богатой драматическими событиями политической карьеры. Тем мальчиком, который, заглушив громким криком парализующий страх перед злым волшебником, бросился на помощь героям и нарушил ход спектакля, был Яцек Куронь. Отцу, по всей вероятности, это понравилось, ибо единственное, чего он требовал от своего первенца, это смелости. Шел то ли 1938, то ли 1939 год.

Психолог на основании этого инцидента наверняка сделал бы вывод, что личность Яцека Куроня характеризуется высоким уровнем сообразительности и эмоциональности, ибо, как утверждает Дэниэл Гоулман, “эмоциональный ум гораздо быстрее рационального — он начинает действовать, ни на секунду не задумываясь, что он делает”.

Однако стихийная реакция и жажда лезть на рожон — не единственные свойства такого ума. По словам того же автора, это также “способность не сосредотачиваться на себе и воздерживаться от эгоистических импульсов, (которая) приносит большую пользу обществу: открывает путь к сочувствию, истинному умению слушать и смотреть на окружающую действительность с точки зрения другого человека. Сочувствие (...) ведет к альтруизму и состраданию, к заботе о других. Умение взглянуть на мир с точки зрения других людей преодолевает предубеждения и стереотипы, то есть порождает терпимость и прокладывает путь к осознанию того факта, что все люди разные. Эти свойства становятся все более необходимыми в нашем все более плюралистическом обществе. Они позволяют жить в атмосфере взаимного уважения и создают возможность для конструктивных

публичных дискуссий. Это основные элементы искусства демократии”.

“Все, что я делал потом, — это только повторение прежнего” (т.е. вышеприведенного инцидента), — утверждает Яцек Куронь в книге воспоминаний “Вера и вина”. И тут он глубоко прав, хотя трудно сравнивать с этим инцидентом его деятельность в польском комсомоле, многолетнюю борьбу с тоталитарным строем или, наконец, работу на посту министра труда в первом некоммунистическом правительстве Польши в 1989 году.

Казалось бы, у парнишки, воспитанного дедом, бывшим членом Боевой организации Польской социалистической партии, и отцом, который в 1920 г. в возрасте 15 лет пошел добровольцем сражаться с большевиками, и не было иного пути, чем этот, указанный отцом и дедом. Однако оба его младших брата выбрали другой путь... Может быть, именно на Яцека больше всего повлияли патриотические песни и рассказы деда и отца, а может быть, в его характере были черты, которые давали ему постоянную мотивировку к действию. Этой мотивировкой была неустанная необходимость борьбы.

“Они — дедушка и отец — говорили: рабочее дело — или просто: дело. И это означало: социализм, но они не употребляли этого слова. И это означало: одолеть эксплуататоров. И это означало также: Польша, Матерь Божия с Ясной Горы [Ченстоховская. — Здесь и далее в квадратных скобках прим. ред.] и могилы, на которых оттачивались клинки... (...) Так что рабочее дело и Польша — это было для меня по сути одно и то же”.

Яцек Куронь с юных лет интересовался тем, что происходит вокруг.

А времена были трудные, подталкивали скорее к тому, чтобы спрятаться в четырех стенах, сбежать в частную жизнь... Маленьким мальчиком он был свидетелем кошмара военного времени, истребления евреев. Он постоянно готовился к тому, чтобы когда-нибудь достойно встретиться со своим предназначением: насвистывал, когда ему делали укол, перестал есть сладости, чтобы выработать сильную волю, и больше всего горевал, что война закончится, прежде чем он успеет принять в ней участие. Яцек также пытался выработать в себе сильную волю на случай ареста: умышленно мучил сам себя, чтобы не заснуть во время допроса, ибо было ясно, что когда-нибудь, рано или поздно, сильная воля и умение преодолевать боль ему пригодятся.

“Сколько я себя помню, я думал о себе как о человеке, которому предстоит сидеть в тюрьме, пройти через пытки и погибнуть”.

И вот пришло время, когда Яцек, сын Генрика, внук Франтишека, взял в свои руки красное знамя, только мир тогда уже стал другим.

Генрик Куронь видел надежду для Польши в социалистическом строе и занялся “созиданием нового общественного порядка”. А Яцек вступал как раз в тот самый бунтарский возраст, который свойственен любому молодому человеку. Собственными глазами он видел истребление евреев, кошмары войны и оккупации и воспринял это как следствие разделения общества на классы. Впрочем, послевоенный период и еврейские погромы в Кельцах и Кракове утвердили его в убеждении, что необходимо радикальное преобразование мира. Так он пришел к коммунизму.

“Марксизм, по крайней мере тогда, был чрезвычайно привлекателен для молодых людей (...) с помощью десятка или двух относительно простеньких формул он позволяет объяснить множество весьма непростых общественных явлений”, — так писал он много лет спустя.

Аппаратчик

Свою организаторскую деятельность Яцек Куронь начал в Союзе борьбы молодых — молодежной организации Польской рабочей [коммунистической] партии, а в 1949 г. он уже стал активистом при райкоме Союза польской молодежи [СПМ, комсомола при Польской объединенной рабочей партии] в Варшаве.

“Враг представлялся неотъемлемым элементом той картины мира, которая у меня существовала. Разлагающиеся классы, эксплуататоры, кровопийцы не сдаются без борьбы, империализм всюду протягивает свои щупальца. Снисходительность и жалость к врагу — это предательство товарищей, интеллигентская мягкотелость. (...) Когда враг был далеким и незнакомым, я был готов сражаться с ним и пасть в этой борьбе. А когда вдруг он появлялся в виде заплаканного парня или девушки, я был на их стороне”.

В 1952 г., получив аттестат зрелости, Куронь стал штатным сотрудником “аппарата” — инструктором харцерского [пионерского] отдела столичного комитета СПМ, а в 1953 м — освобожденным председателем вузовского комитета Варшавского политехнического института.

“...мотивировкой принадлежности к аппарату, более важной, чем властные привилегии, было чувство самостоятельной значительности, которое из этой принадлежности проистекало. Оно было тесно связано с ощущением мессианства аппарата: будучи аппаратчиками, мы верили в то, что мы творцы великих перемен — создания нового, лучшего мира. Лишь все это вместе взятое: этика и мессианство, самостоятельность и власть, а также другие привилегии — становилось решающим для некоторых людей в их сильном желании стать аппаратчиками”.

В 1953 г. Яцек Куронь, в то время возглавлявший отдел пропаганды Варшавского горкома СПМ, написал статью, в которой дал критическую оценку молодежному движению, а когда, несмотря на оказанное давление, отказался ее опровергнуть и выступить с самокритикой, его уволили из аппарата. В том же году он поступил в передовой социалистический вуз — Государственную высшую педагогическую школу (ГВПШ). Здесь читали готовые, одни и те же тексты, постоянно вели поиски классового врага и без конца выступали с самокритикой.

Определенным трамплином, позволившим ему оторваться от несколько трагикомической атмосферы ГВПШ, стала для Куроня работа по созданию “вальтеровских отрядов” (от псевдонима генерала Кароля Сверчевского — “Вальтера”, командира интербригад в Испании). Вместе с Яцеком Гарвацким они устраивали летние лагеря для детей под эгидой столичного комитета СПМ. Так продолжалось несколько лет, и в результате возникла целая Вальтеровская дружина — “красное харцерство”. Многие его участники впоследствии стали активными членами оппозиции. Основы программы были взяты из “Педагогической поэмы” Макаренки. Хотя вальтеровцы считали себя коммунистами, они враждебно относились к помпезности и официальным церемониям, не признавали иерархии, исполняли русские, украинские и еврейские песни, а их дружина, вопреки рекомендациям властей, была антивоенной и проводила совместное обучение. Яцек Куронь прекрасно чувствовал себя в роли воспитателя молодежи.

“А все-таки жаль, что я не стал воспитателем, а занялся химерами. Ведь о чем бы ни шла речь: о независимой Польше, или о защите прав человека и гражданина, или о социализме, — прежде всего речь идет о людях, которых я любил, запомнил, которым помог жить”.

Дружина была распущена в 1961 году.

Яцек и Гайка

В летнем лагере в 1955 г. Яцек Куронь познакомился со своей будущей женой — Гаей. Ее звали Гражина Эльжбета Боруцкая, у нее была чудесная коса и талант к воспитанию малышей, которым она чрезвычайно нравилась. Из-за большой разницы в возрасте (ему — 21 год, ей — 15) Яцек довольно долго старался не открывать Гайке своих чувств. Однако в конце концов любовь оказалась сильнее и продлилась 27 лет.

“...это я придумал ей имя Гая — и вместе с ней началась настоящая жизнь. Это она придала жизни смысл, сделала из меня человека стоящего, сделала меня таким, какой я есть”.

Смелые слова в устах политика.

“...мы всё делали вместе (...) Я был ее безумием, она — моим рассудком; я анализировал и синтезировал — она давала нравственную оценку”.

Гая выбрала нелегкую жизнь. Отсутствие финансовой устойчивости, одиночество, когда Яцек отсиживал свой очередной срок (в целом около девяти лет!), чувство опасности, как тогда, когда подосланные властями боевики напали на нее и сына Мачека в их собственной квартире. Ей приходилось постоянно сталкиваться с преследованиями ее самой, мужа и сына, их собаку отравили, им постоянно угрожали по телефону. У Мачека были проблемы с поступлением в вуз. Их адрес и номер телефона знала, пожалуй, половина Польши, так как тут находился информационный центр оппозиции. Ни о какой интимности и речи быть не могло. Однако она не сдалась. Не выбрала стабилизацию, частную жизнь и спокойствие.

“...и думаешь, ты будешь любить меня, когда я обрежу твои крылья?

— А ты меня, с обрезанными крыльями?

Мы сказали себе, что ничего нельзя делать из страха или воздерживаться от поступков, которые мы считаем правильными”.

Гайка работала вначале в университете, занималась вопросами психологии на производстве, но научную работу ей пришлось оставить. Вскоре она открыла для себя новое увлечение — работу с молодежью в Консультационном центре по профессиональным и воспитательным вопросам. Даже специально присланные контролеры из недоброжелательно настроенной Высшей контрольной палаты дали ей самую

высокую оценку, что позволило Гайке получить статус преподавателя.

Когда Яцек отсидивал очередные сроки, она не только собирала ему продовольственные посылки и ездила на свидания, но и продолжала его работу.

Гайка умерла, не дождавшись свободной Польши, — от болезни легких, не леченной во время интернирования. Яцеку тогдашние власти предложили эмиграцию, чтобы он мог заняться больной. Однако она не согласилась. На похороны Яцек прибыл прямо из тюрьмы, под конвоем.

Зэк

“Я был воспитан в культе кандалов:

Идут, идут, и слышен звон кандалный,

идут, идут, дрожит пред ними власть,

идут, идут, и нет для них преград,

не страшно им ни пуль и ни тюремных врат,

— пел мне дедушка, когда я был маленьким. Когда на меня надели наручники в первый раз, я испытал гордость и испытываю ее по сей день. Во мне тогда возникает ощущение неразрывности поколений”.

Эту неразрывную связь поколений он впервые ощутил в марте 1965 г., когда его арестовали за [написанное вместе с Каролем Модзелевским] “Открытое письмо”, в котором описывался конфликт между рабочими и партийным аппаратом. В то время он еще твердо стоял на марксистских позициях, что было еще труднее переварить тогдашнему руководству ПОРП. Во время процесса в Варшаве возник обычай “стояния в коридорах”: в зал суда пускали мало людей, и друзья оставались в коридоре, чтобы своим присутствием поддержать обвиняемого и показать властям, что он не одинок. Позднее это повторялось во время многочисленных политических процессов, невзирая на то, увидит ли сам обвиняемый эту демонстрацию поддержки.

Во второй раз Куронь попал за решетку в марте 1968 г., когда вместе с группой студентов протестовал против снятия спектакля Казимежа Деймека по “Дзядам” Мицкевича. Именно тогда, будучи автором распространявшихся в Варшавском

университете антиправительственных листовок, он надолго стал врагом ПНР “номер один”.

В 1975 г. Куронь был одним из инициаторов протеста против проекта внесения в конституцию формулировки о руководящей роли партии. Год спустя, после событий [рабочих волнений] в Радоме, он направил открытое письмо первому секретарю итальянской компартии Э.Берлингуэру, в котором описал репрессии, которые применила к рабочим Радомы и Урсуса “народная власть”. Это дело широким эхом отозвалось в Западной Европе, а в Польше снова попортило немало крови властям.

С мая до сентября 1977 г. Яцек Куронь снова сидел в тюрьме. На сей раз речь шла о протесте против методов работы министерства госбезопасности, которое не останавливалось даже перед убийствами из-за угла.

Потом было интернирование. Его забрали в ночь с 12 на 13 декабря 1981 г., как и большинство активистов “Солидарности”. Когда других освободили, его обвинили в “попытке свержения государственного строя”. Были еще процесс в 1984 г. и административная коллегия по делам правонарушений в 1985 м. В целом около девяти лет в тюрьмах: Мокотув, Штум, Потулицы, Вронки, Стшебелинек... По сравнению с таким тюремным стажем частые задержания на 48 часов становились просто банальными...

“...тюрьма — это ожидание (...) Ожидание, когда вызовут на допрос, закончат следствие, допустят адвоката. Жду процесса. Жду приговора. Жду письма и свидания. Множество более кратких и более долгих ожиданий. (...) Когда ворота за мной закрываются и меня приводят в камеру, я все еще верю, что сейчас выпустят. (...) Медленно, очень медленно я теряю надежду, что это вот-вот произойдет. Однако по-прежнему ожидаю, с диким нетерпением сердца, ожидаю свободы, означающей: Гая и жизнь”.

Заключение Куронь использовал для интеллектуальной работы. Там же он сделал ряд наблюдений социологического и экономического характера.

“Окончательно я расстался с марксизмом, занявшись изучением проблемы взаимосвязи между психологическими и социальными процессами. Ибо вопрос, который я перед собой поставил, это был вопрос об обусловленности человеческой активности, о границах свободы человека, вопрос о том, может

ли человек стать хозяином своей судьбы или же единственное, что он может, — приспособиться к обстоятельствам”.

С позиций, как он это назвал, “активного наблюдателя”, занятых им в заключении, рассматривал он также отношение польского общества к евреям. Как же так получается: когда кто-либо в Польше говорит, что он еврей, то все в это верят, а обратному утверждению не верит никто? Куронь выдавал себя за еврея. И делал это, по всей вероятности, довольно убедительно, раз это было подхвачено партийной пропагандой, особенно после событий марта 1968 го и организованных сверху антисемитских выступлений. Но его сокамерникам поверить в еврейское происхождение Куроня было трудно, особенно после совместного похода в баню. Один из них выразил это весьма скептически:

— Значитца, евреи бывают разные.

Вспоминая своих товарищей по заключению, Куронь говорил о них с полным пониманием. А ведь там были не только “политические”... Он видел в них прежде всего людей искалеченных.

“С самопожертвованием по отношению к друзьям, иногда даже с большим самопожертвованием, я встречался в заключении много раз. Я убедился, что они все жаждут любви и именно отсутствием любви искалечены. К сожалению, они не умеют любить, отсюда, по всей вероятности, это самопожертвование, потому что обидеть — это они могут, а существовать изо дня в день рядом с другим человеком — нет. И, может, потому-то, что эти мои столь ужасно искалеченные тюремные братья не научились любить мать и отца, братьев и сестер, а потому и женщин тоже, они не сумели полюбить и никакую деятельность, не было у них никаких творческих увлечений”.

В своих мучителях Куронь тоже сумел разглядеть людей. Он был вежлив с теми, кто проводил обыски в его квартире, с продажными прокурорами и судьями, с подосланными к нему стукачами, с названивающими по ночам анонимами... Наверное, именно эту черту имел в виду Северин Блюмштайн, один из “вальтеровцев”, называя Куроня “современным святым”. Но быть святым в тюрьме трудно. Там надо принимать тюремные правила, иначе погибнешь. Тем не менее никто не заставляет тебя ненавидеть сокамерников. Ненавидеть кого бы то ни было. И никто не обязан по моральным соображениям возвращаться за решетку.

После второй отсидки Кароль Модзелевский признался Яцеку, что “его психическая сопротивляемость заключению кончилась. Больше он сидеть не хочет, не может. Поэтому заниматься никакой политической деятельностью он больше не будет, ибо рано или поздно она приводит в камеру... Я понимал, какой смелости потребовало от Кароля такое заявление, и мне было стыдно, что у меня такой смелости нет. Забавно, Кароль принял это решение и вскоре уехал в Собутку, но, когда пришло время “Солидарности”, он объявился снова, и мы опять пошли отсиживать”.

Однако приходит время, когда срок заканчивается. Ибо арестуют тебя не обязательно, а вот выпустить — обязаны.

“Я думаю, что стоит садиться в тюрьму затем, чтобы из нее выйти. Ибо тогда вдруг, совершенно неожиданно, ощущаешь вкус жизни во всей полноте. Все краски, все запахи, весь спектр света. (...) Собственно, не совсем так. (...) на самом деле всегда была одна большая, единственная тоска — по Гайке. Я ведь знал, что выхожу к ней. (...) А потом были ворота — Гайка и весь мир. (...) Таких звезд, такого запаха весны в мае, такой зелени, таких красок я никогда в жизни не встречал. Хотя, когда на второй или третий день я вышел из дома и увидел толпы людей на улице, на углу Аллеи (Независимости. — Пер.) и Маршалковской — я испугался. В тюрьме всех знаешь, а тут вдруг полно людей и все чужие”.

Знамя выцветает

Тюрьма не выполняла в отношении арестованного Яцека Куроня своей воспитательной роли. Он выходил, чтобы немедленно заново организовать деятельность ради “царства свободы”. Однако со временем его взгляды стали более либеральными и хотя в принципе остались левыми, но марксизм он отверг окончательно. Пропаганда нередко попрекала его прошлым, когда он уже как оппозиционер сотрудничал с кругами, близкими к Церкви.

“Мое мировоззрение было интегральным, как все мировоззрения, связанные с тоталитаризмом. При изменении в какой-то части приходилось отвергать его целиком. (...) Чтобы отказаться от всей своей жизни, требуется ужасно много силы и смелости. (...)”

Когда мне стали ясны основы теории действия, пришлось отказаться от теории марксизма. Одновременно возникли предпосылки надежды. Я даже помню тот день, в конце ноября или декабря 1970 г., когда я подумал: да, надо отказаться от

марксизма. Это вызвало у меня некоторую неопределенную печаль, но возобладал восторг от новых идей. Это произошло точно в тот момент, когда я отверг запросы организма как мотивировку человеческой деятельности. В результате для меня бесцельным стало разделение на бытие и сознание.

Мой отход от марксизма носил чисто интеллектуальный характер. В этом есть забавный парадокс. Марксизм был для меня философией моей собственной практики. И вот именно не на практике, а чисто интеллектуально я отверг то, что было для нас обоих — для меня и для Гаи — способом размышления о нашей жизни, о нашей деятельности и ее целях. Если видишь смысл своей жизни в деятельности ради царства свободы, то необходимо иметь философию, которая служит обоснованием такой надежды, а также группу единомышленников, которые разделяют эти цели. (...) По выходе из тюрьмы в 1967 г. мы переживали внутренний конфликт. Те, кого мы считали группой единомышленников, не были марксистами”.

Яцек Куронь признавал, что на своем пути к свободе он творил зло исходя из доброй воли и веры в систему, ибо, как он отмечал в статье “Зло, которое я творю”: “Пожалуй, больше крови было пролито из любви к человеку, чем из ненависти”.

Важно иметь в себе эту любовь и осознавать, какие нравственные ловушки подстерегают при попытках осчастливить людей насильно.

Профессиональный оппозиционер

Когда из-за политического нажима на ректора Яцеку не удалось защитить диссертацию в Варшавском университете, супруги Курони поняли (как всегда, тут сработала гениальная интуиция Гайки): единственное, что он может в этих условиях сделать, — это стать профессиональным оппозиционером. Но в то время оппозиция еще не располагала фондами, позволявшими ее деятелям отдавать все свое время делу, не заботясь о том, будет ли их женам из чего готовить еду на следующий день. А в доме Куроня всегда была масса народу, Гайка жарила горы котлет, чтобы накормить оголодавшую братию. Ее зарплаты в Консультационном центре хватало ненадолго. И Яцеку приходилось браться за самую разную временную работу, чтобы как-то сбалансировать семейный бюджет. Это были статьи в прессе, подписанные, естественно, псевдонимами. Эве Добровольской, сестре Гайки, которая предоставляла свое имя для некоторых из этих статей, даже предложили сотрудничать с газетой “Трибуна люду” — органом ПОРП! Из-за фельетонов Куроня для педагогической редакции Польского радио

заведующая этой редакцией Ирена Хмеленская потеряла работу. Государство умудрилось даже запретить печатать детективы, написанные Куронем ради заработка (впрочем, под девичьей фамилией Гайки). Весь тираж пластинок с записями харцерского ансамбля “Гавенда” был уничтожен только из-за того, что автором песни, с которой начиналась запись, был Куронь!

В 1976 г. Куронь был одним из инициаторов создания Комитета защиты рабочих (КОР), преобразованного позднее в Комитет общественной самозащиты (КОС-КОР). [Подробнее об этом мы писали в “Новой Польше”, 2000, №12].

“С созданием КОС-КОР и Информационного бюро моя квартира окончательно утратила частный характер. В пять утра начинали приезжать люди с просьбами о защите. Иногда последний посетитель уходил за полночь”.

В 1978 г. было создано Товарищество научных курсов. Во время одного из занятий, проходивших на квартире Куроней, подосланные властями боевики жестоко избили его участников.

Куронь много ездил по Польше, а так как его квартира находилась под неусыпным наблюдением по меньшей мере нескольких топтунов, то для того, чтобы выйти из нее без “хвоста”, требовалась немалая эквилибристика.

“Во время этих уходов от наблюдения и постоянной игры с полицией я открыл для себя, что страх зависит от напряжения, а не от того, чего мы боимся. Ибо и тогда, когда мне грозило 48 часов просто в КПЗ, и тогда, когда ставкой было заключение на несколько лет, и, наконец, когда мне грозила смерть — а я и такое время помню, — во мне происходило одно и то же. Страх как элемент игры. Это хороший страх, с ним можно жить”.

Одной из форм деятельности оппозиции были также голодовки протеста, начавшиеся в 1978 г. в костеле Святого Креста в Варшаве (за освобождение арестованных чешских и словацких оппозиционеров, подписавших Хартию-77), и знаменитая голодовка в Подкове-Лесной в начале мая 1980 го, объявленная в связи с арестом по ложному обвинению двух активистов оппозиции.

“Я уже держал разные голодовки, однако эта была неординарной. Она не только подействовала на меня очень сильно, потому что меня глубоко волновало происходящее в мире, но и дала мне такую внутреннюю ясность, которая не со

всяким голоданием связана. (...) Однако, настоящим потрясением стало окончание голодовки. Пришел весь Урсус, Прушков [пригороды Варшавы]. После 76 го это была первая столь крупная демонстрация в Польше. Толпа, толпа, вся главная улица запружена людьми. Мы выходили из костела рядами, звонили колокола, а люди несли нас на руках, подбрасывали вверх”.

Публицист

С явлением демократической оппозиции в Польше связаны многочисленные начинания в области издательской деятельности. КОР издавал “Информационный бюллетень”, в 1977 г. начал выходить независимый ежеквартальный литературный журнал “Запис” [название означает как “запись”, так и “цензурный запрет”], примерно в это же время вышли первые номера “Глоса” [“Голоса”], “Критики” и “Роботника” [“Рабочего”]. На страницах независимой прессы Куронь печатал программные статьи. В “Мыслях о программе действий” (1976) он писал, что тоталитаризм можно одолеть с помощью самоорганизации общества.

Вышедшая в 1977 г. брошюра “Идейные принципы” содержала политическое кредо Куроня. Главнейшими ценностями он признал свободу личности и ее творческую деятельность в своем окружении. Полностью осуществиться эти ценности могут лишь при парламентской демократии в суверенном государстве. Здесь же появилась формулировка о самоуправлении граждан, которое представляет собой не только форму ограничения господства государства, но и лучшую школу прямой демократии.

В статье “Крутой поворот” (1980) он предсказал появление независимых профсоюзов. В статье “Что дальше?” убеждал, что новому профсоюзу следует сочетать перспективные планы: стремление к парламентской демократии и суверенному государству — с пониманием того, что геополитическое положение страны требует самоограничения. Куронь настойчиво убеждал профсоюзных руководителей отказаться от любых агрессивных действий, которые неизбежно приведут к кровавому реваншу властей. Именно он был автором знаменитого лозунга: “Не жгите [партийные] комитеты, создавайте собственные!”

В период интернирования он призывал в своих текстах создавать подпольные структуры и проявлять гражданское неповиновение властям. Эти тексты были собраны в сборник “Политика и ответственность”.

В поисках Абсолюта

“Имея в виду источник, из которого я черпал ответы на вопрос о *sacrum*, понятно, что я формировал свою духовность, беря за образец левые взгляды — а это прежде всего призыв к жертвенности, самоотречению, служению, к посвящению всей жизни делу (...) Когда на меня впервые надели наручники, я ощутил волнение. (...) Теперь-то для меня очевидно, что этот призыв к жертвенности, которым исполнена духовность левых, вытекает из ее христианского характера”.

Зимой 1971 г., расставшись с марксизмом, Яцек Куронь сблизился с представителями Клуба католической интеллигенции; там он, в частности, познакомился с Тадеушем Мазовецким, с которым позднее создавал первое польское некоммунистическое правительство. Как о самом важном открытии того времени он говорит об осознании того, что “Бог” можно также понимать как “человек”. При этом, однако, он по-прежнему оставался приверженцем левого мышления.

“Не верю и вовсе не желаю верить в учение Церкви о том, что природа человека повреждена грехом; я считаю, что если мы вынуждены творить зло, то из-за общественных отношений”.

Во время встречи с примасом Польши кардиналом Стефаном Вышинским Куронь чувствовал себя обязанным рассказать о своем путаном отношении к Богу:

“...я сказал, что не умею верить, на что он прервал меня:

— Ну, это придет с возрастом, — улыбнулся, махнул рукой и мы перешли к другим вопросам”.

Живым подтверждением существования Бога назвал Куронь священника Яна Зею: это он проповедовал, что если у тебя есть любовь, то есть и Бог, а тому, у кого есть Бог, не нужна религия.

“...после смерти Гайки я понял, что должен уверовать — уже не в любовь как Бога, не в нравственный закон, в который я глубоко и сильно верил, но совершенно реально в то, что встречу Гайку. Я понял, что именно в этом выход: поверю, тогда весь мой распадающийся мир снова встанет на ноги. Я не представлял себе, как можно жить без Гайки, а таким образом она как бы возвращалась. И весь этот почти двухлетний период, который наступил после, был временем очень интенсивной моей работы над тем, чтобы уверовать. Я читал Священное Писание, молился часами, постился”.

Несмотря на интенсивную работу, интеллектуальной средой Яцека Куроня по-прежнему оставались “неверующие левые”. И хотя он тесно сотрудничал с правыми политиками, особенно во времена “Солидарности”, но так и не изменил окончательно своих взглядов, не нашел того, что позволило бы ему уверовать безоговорочно.

“Солидарность”

В 1980 г., когда начались забастовки, власти сочли, что они вызваны деятельностью “окружения Куроня”. 18 июля Яцек вместе с десятком других членов оппозиции был арестован по обвинению в принадлежности к организации, ставящей целью свержение существующего строя. Но верная Гайка перед самым подписанием августовских соглашений между бастующими и правительством добралась до Гданьска, до Валенсы, так что он еще успел выдвинуть в качестве условия освобождения политических заключенных. Куронь и другие заключенные вышли на свободу в начале сентября. С этого момента Куронь включился в деятельность по созданию в Польше независимого профсоюза “Солидарность”, стал его советником, и в связи с этим за ним было установлен милицейский надзор.

Ввиду катастрофического развала экономики он призывал “Солидарность” создавать самоуправляющиеся экономические единицы, которые стали бы первой ступенькой к экономической реформе, основанной на самоуправлении. Он добивался создания Комитета национального спасения, состоящего из представителей профсоюзов, Церкви и органов власти, который должен был подготовить фундаментальную реформу экономики и демократические выборы.

После освобождения из тюрьмы по амнистии Куронь снова включился в деятельность, целью которой было создание коалиционного правительства. Когда в 1988 г. был сформирован Гражданский комитет при председателе “Солидарности”, Куронь вновь оказался на передовой линии. Властям ПНР он был настолько ненавистен, что они прямо исключали его участие в переговорах “круглого стола”. В конце концов он принял участие в переговорах в составе группы по вопросам политических реформ.

На выборах в июне 1989 г. Куронь стал депутатом Сейма, а 12 сентября был назначен министром труда.

Господин министр

Яцеком Куронем детей пугали примерно с марта 1968 года. В партийной пропаганде он и Адам Михник олицетворяли буквально всю оппозицию, а выражение “разные курони и михники” означало любых деятелей подполья.

Став в 1989 г. министром труда и социальной политики, Яцек Куронь получил свое “окошко” на телевидении. По вторникам, после основного выпуска “Новостей”, примерно в восемь часов вечера, он объяснял обществу сложности своей политики. Он стремился добиться поддержки необходимых реформ, обеспечив им понимание, просил людей проявить терпение. Благодаря телевидению поляки наконец познакомились с пресловутым Куронем — мужчиной за пятьдесят, лысеющим, с животиком, с характерной хрипотцой в голосе, которая, очевидно, появилась от злоупотребления сигаретами, одетого в голубую джинсовую рубашку, с неразлучным термосом крепкого чая. Эти беседы сделали его чрезвычайно популярным. Простота, с которой Куронь представлял проблемы социальной политики, его обаятельная улыбка и по-настоящему человеческая забота о судьбах всех поляков привлекли к нему сердца одних, а непопулярные решения по пенсиям и пособиям для безработных рассердили других.

Тогда Куронь стал одним из ведущих политиков и по сей день занимает по популярности одно из первых мест: его одобряют 67% населения. По недавно составленному рейтингу еженедельника “Впрост”, даже сейчас, находясь несколько в стороне от главного русла событий, он занимает третье место после президента Александра Квасневского и бывшего министра юстиции Леха Качинского.

Стиль работы Яцека Куроня на посту министра труда был далек от принятых норм. Прежде всего он говорил то, что думал, а это в политике не принято. И всегда избегал всяческой помпезности и церемониальности. Он обращался к своей аудитории не как министр, а как знакомый. На заседания правительства он, как правило, не надевал костюм, и многие были на него за это в обиде. Он прямо признавался, что в его министерстве есть место только для одного некомпетентного чиновника — для него самого. Когда требовалось принять какое-то особенно рискованное решение, он спрашивал: “Сколько за это придется сидеть?” Шутка? Отчасти. Но прежде всего готовность нести полную ответственность за свои решения.

Когда он стал министром, к нему потекли письма от простых людей, которых заставляли хвататься за перо жизненные трудности, переживаемое в одиночку отчаяние или просто

паранойя. Эти письма, изданные в виде книги, демонстрируют магическую веру их авторов в действенную силу писаного слова.

От фамилии Куроня произошли два слова, вошедшие в польский язык во время государственных и общественных преобразований: “куроневка” — это пособие для безработных, а суп “куроневка” — гороховый суп, который он собственноручно неоднократно раздавал во время встреч с населением, запуская огромный половник в бездонный котел полевой кухни. Суп — блюдо весьма популярное в Польше. Настоящий домашний обед состоит из супа и второго, но если денег не хватает на два блюда, то готовят просто густой суп, который как самостоятельное блюдо в состоянии прекрасно утолить голод. Мацей Куронь рассказывал мне, что у них дома неоднократно отказывались от приготовления второго и готовили побольше супа, чтобы хватило для всех проголодавшихся гостей, а дедушка Генрик обычно говаривал: “Лучше гостя убить, чем не накормить”.

Яцек Куронь придавал большое значение тому, как накормить самых бедных. С этой целью был создан фонд “SOS”. Этот фонд поддерживает любые, даже самые мелкие общественные начинания, ибо “умение людей организоваться, чтобы действовать, — это фундамент демократии”. Цель фонда — помочь прежде всего детям из самых бедных слоев. Он поддерживает работу местных клубов, где об этих детях заботятся и где они получают возможность поесть, зачастую для них единственную. Акция “Подарим детям лето, подарим солнце” организована с целью отправить как можно больше детей в летние лагеря. Проводятся также мероприятия с целью профессиональной активизации молодежи: курсы предпринимательства и помощь в поисках работы. Благодаря фамилии основателя фонда у него много именитых спонсоров. Наследники поэта Юлиана Тувима передали фонду деньги, которые по авторскому праву полагаются им за издание произведений знаменитого предка. Вислава Шимборская, поэтесса, лауреат Нобелевской премии 1996 г., передала свою премию на уставную деятельность фонда. На эти деньги был образован особый фонд, из которого финансируется ежегодный конкурс “Общественник года”.

В фонде только четыре штатных сотрудника, чтобы как можно меньше денег тратить на административные цели. В настоящее время правление фонда возглавляет вторая жена Яцека Куроня Данута.

Портрет без рамы

Яцек Куронь чувствует себя в политике, как рыба в воде. Он обожает публичные дискуссии, дебаты, свободно себя чувствует, выступая перед толпой. Ему нравится быть ее лидером. При этом его не покидает чувство юмора и ирония по отношению к самому себе:

“Лишь гораздо позже я понял, что одно и то же происходит со всеми этими революциями: я совершал их для того, чтобы девушки заваривали чай и смотрели на меня с восторгом”.

Если кто и может сказать о себе, что участвовал в создании свободной Польши, то это наверняка Яцек Куронь. По его биографии можно изучать нашу историю, как по учебнику. И такая книга — “ПНР для начинающих” — существует. Он написал ее вместе с Яцеком Жаковским. Это захватывающий текст, в котором нет ничего от официальности учебника, — он такой, как сам Яцек. Подобный же характер носит книга “Мой суп” — обо всем, что с ним приключилось на посту министра. А еще “Семилетка, или Кто украл Польшу?” — размышления по поводу первых семи лет свободной Польши.

Итоги

Раньше Яцеку Куроню часто случалось видеть кошмарные сны. Собственно, это всегда был один и тот же сон: “...мне надо бежать, но я не в состоянии оторвать ноги от земли. Когда я увидел этот сон впервые, то в нем от того, сумею ли я добежать, зависела жизнь моей матери. Я знал, что я должен ее спасти, но не мог бежать, ноги прирастали к земле. То же самое было с отцом и друзьями. Я был в ужасе, что не добежу и не спасу чью-то жизнь. Реже опасность грозила мне самому, почти всегда я должен был помочь и не мог. Этот мотив снился мне на протяжении многих лет и повторялся очень часто. Пожалуй, только последние лет пять у меня больше нет таких снов”.

Психологу ясно, что этот сон означает проявление заботы и ответственности за других и одновременно сомнение в том, удастся ли справиться с поставленными перед собой задачами.

Оценку этому дали другие. Яцек Куронь получил много наград и отличий. Он доктор honoris causa университета в Атланте, кавалер “Ордена Улыбки”, которым награждают дети, кавалер французского ордена Почетного легиона.

В 1998 г. президент Александр Квасневский вручил ему высшую награду Польши — орден Белого Орла.

Мацей, сын Яцека

Единственный сын Яцека и Гайки, Мацей не стал посвящать свою жизнь политике. Из родного дома он вынес убеждение, что быть порядочным человеком — это значит бороться с тоталитарной системой. В 1981 г. он оказался, пожалуй, одним из самых юных интернированных. После освобождения Мацей продолжил свою деятельность. Он мечтал работать учителем истории, но не питал иллюзий, что в ПНР хоть кто-то возьмет его на такую работу... Однако он открыл в себе иное призвание. Дома ему часто приходилось готовить для многочисленных гостей. Оказалось, что тут у него настоящий талант, который он дополнительно отшлифовал в американской школе поваров, и сегодня Мацей Куронь — знаменитый повар, владелец ресторана. Он участвует в многочисленных рекламных акциях, а его лицо теперь не менее популярно, чем лицо его знаменитого отца. К тому же Мацей — счастливый отец четверых детей и больше не собирается заниматься политикой.

Яцек Куронь (биографическая справка)

Родился 3 марта 1934 во Львове. Псевдонимы: Мацей Гайка, Эльжбета Гражина Боруцкая, ЭГБ.

Окончил исторический факультет Варшавского университета в 1957. В 1955 основал, а в 1955–1961 был комендантом кружка, а затем дружины вальтеровцев; в 1957–1964 работал в Главном штабе Союза польских харцеров, был аспирантом педагогического факультета Варшавского университета. В соавторстве с К.Модзелевским написал в 1965 “Открытое письмо к партии”, был арестован и приговорен к 3 годам тюрьмы, освобожден в 1967. Стал одним из инициаторов протеста студентов Варшавского университета в марте 1968, арестован, приговорен к трем с половиной лет тюрьмы, освобожден в 1971.

В 1975 — один из организаторов акции протеста против поправок к конституции ПНР, подписавший посвященное этому “письмо 59 ти”. В сентябре 1976 — один из основателей Комитета защиты рабочих (КОР), а в 1977 — КОС-КОР. Один из самых активных членов комитета, автор многочисленных текстов, в которых содержались проекты и разъяснения по поводу форм деятельности и целей демократической оппозиции. Много раз был задержан, в 1977 году провел в заключении три месяца. С 1977 работал в редакции независимого ежеквартального журнала “Критика”. С 1978 — член Товарищества научных курсов, в 1977–1978 гг. преподавал в “летучем университете”, в 1978 неоднократно подвергался жестоким нападениям “активистов” Социалистического союза польских студентов.

В июле-августе 1980 — один из организаторов системы информации о забастовках, с сентября 1980 — советник Межзаводского учредительного комитета НСПС “Солидарность” в Гданьске, а затем — Всепольской согласительной комиссии и Всепольской комиссии НСПС “Солидарность”. Один из авторов стратегии действий “Солидарности”.

Интернирован 13 декабря 1981, в 1982 арестован по обвинению в попытке свержения существующего строя, освобожден в 1984 по амнистии. Сотрудничал с подпольными структурами “Солидарности” и с подпольной прессой. В 1988 вошел в состав Гражданского комитета при председателе НСПС “Солидарность”, в 1989 принимал участие в переговорах “круглого стола”.

С 1989 — депутат Сейма, член депутатских фракций: “Гражданского парламентского клуба”, партии “Демократический союз”, партии “Уния свободы”. В 1989-1990 и в 1992-1993 — министр труда и социальной политики. В 1991-1995 — заместитель председателя партии “Демократический союз”, затем — партии “Уния свободы”. Организатор и участник многих общественных акций (например, фонда “SOS”), которые призваны смягчать болезненные последствия экономических преобразований. В 1995 выдвигался кандидатом на пост президента Польской республики. Много лет возглавляет комиссию Сейма по делам нацменьшинств.

Награжден орденом Белого Орла (1998), французским орденом Почетного легиона, немецким Крестом заслуги, украинским орденом Ярослава Мудрого.

Подготовил Анджей Фришке

Яцек Куронь

БЕЗ КОНЦА ОДНО И ТО ЖЕ

Мы публикуем фрагменты звуковой дорожки (те, где говорит Яцек Куронь) документального фильма “По образу и подобию Яцека. (Эскиз к портрету Яцека Куроня)”, снятого Анджеем Титковым. Фильм, выпущенный студией “Медиа Контакт”, был показан по I программе Польского телевидения 5 марта этого года.

*

Я — тот, кто всегда готов вести переговоры, я человек компромисса, но считаю, что нужно стремиться к тому, чтобы компромисс был позитивным, а не негативным, т.е. был основан на том, что обе стороны что-то приобретают, а не на том, что обе от чего-то отказываются.

*

Мой отец — я помню это с самого раннего детства — говорил о себе, что он рабочий по металлу и польский социалист в третьем поколении. Он был членом ППС (Польской социалистической партии). В 15 лет он пошел добровольцем на войну с большевиками, потом участвовал в силезском восстании, а став активистом ППС, был сторонником “единого фронта” [с коммунистами]. На радомском съезде ППС отца за сотрудничество с коммунистами исключили из партии. Когда Красная армия — “освободительница” вошла во Львов, для отца это было страшным ударом. Он-то видел в ней не врага, а свою пролетарскую армию, которая.... а тут — что они творят, как это возможно?..

*

Отец был в разведке Армии Крайовой, в “Жеготе” [отделе помощи евреям]. Проблема заключалась в том, что я хотел все знать: если речь идет об оружии, то я хотел знать, где оно спрятано. Я был умелец и мог найти что угодно, а отец мне говорил: “Ты можешь знать ровно столько, сколько необходимо, не больше”. — Почему? — “Потому что если тебя возьмут и начнут пытаться, ты моментально все выложишь”. А я утверждал, что нет, не выложу. — “Не болтай глупостей — под пытками каждый все расскажет”. — И я принялся сам себя пытаться. Резался бритвой, прижигал себя спичками, выворачивал руки и ноги... много чего придумывал, и очень

долго. Больше всего на свете я боялся, что не выдержу пыток. Этот страх преследовал меня до того момента, когда в тюрьме у меня случился приступ почечной колики и я все повторял: расколуюсь, расколуюсь...

*

В 1944 г. во Львове произошел крупный провал Армии Крайовой. Отец увез меня в Зарытое под Рабкой. Я долго жил там вместе с одной еврейкой, Зоськой. Мы обслуживали пункт переброски евреев: готовили еду и всякое такое... Я еще ходил за покупками, а это особое искусство — купить все необходимое так, чтобы никто не заметил, что покупаешь слишком много... Мы спали вместе, потому что было холодно. Утром я проснулся, а она мертвая... Просто покончила с собой, да еще таким ужасным способом... отравилась.

Я видел геноцид. Был рядом. И до сегодняшнего дня не могу понять, как это возможно: мои ровесники из “бассейна смерти”, т.е. именно из тех мест, где день и ночь евреев убивали, охотились на них, свозили, привозили, — а эти ничего не видели. Как они могли не видеть? Я без конца сталкивался с этим ужасом, близко сталкивался. С такой страшной болью, ощущением бессилия.

*

Мой отец хотел, чтобы у меня было собственное мнение, и вдобавок не такое, как у него. За это я получал премию. Поэтому я всегда с ним спорил. К примеру, раз отец был пролетарским атеистом, то я стал набожным, верующим. Но он был настроен последовательно антисталински. А я в 15 лет пришел к выводу, что разумнее и последовательнее всего — стать коммунистом. В СПМ (Союз польской молодежи) я вступил в 1949 г., когда мне было как раз пятнадцать, и уже первое задание, которое я получил, было захватывающим. Прямо здесь, среди этих особняков офицерского Жолибója, угнездились бараки для бездомных — рядом с кладбищем Повонзки. До войны их называли “Занзибар”. Я должен был отыскать в этих бараках детей и уговорить родителей отпустить их со мной в летний лагерь. Это была такая операция: СПМ вывозит всех детей на отдых. Смешно, что я как начал тогда, так и занимаюсь и занимаюсь одним и тем же без конца.

*

Когда меня судили за “Открытое письмо”, я говорил, что я коммунист, противник этой антирабочей, антинациональной

диктатуры. Во время следующего процесса, “мартовского” [1968 г.], который проходил вскоре после первого, на вопрос того же самого прокурора, продолжаю ли я считать себя коммунистом, я ответил: “Не знаю, я не могу ответить на этот вопрос, потому что не могу ответить на вопрос, что значит быть коммунистом в данный момент”.

*

В Польше, в отличие от Советского Союза, была такая ситуация, что между крайней оппозицией и властью существовало соприкосновение позиций и в результате — некоторые контакты. Были общественные места, где мы встречались: я им выскажу все, что о них думаю, поболтаем, выпьем водки. А в то же время они били людей, избивали, убивали...

*

Я — тот, кто всегда готов вести переговоры, я такой с рождения, потому что мне приходилось посредничать между родителями. С бóльшим или меньшим успехом я занимаюсь этим всю жизнь и добился разного рода успехов в разных делах. Поэтому для меня идея “круглого стола” была совершенно очевидна.

*

Для меня это был опыт неприятный и тяжелый (речь идет об участии Куроня в правительствах “Солидарности” после 1989 го), я тогда действовал вопреки самому себе. Я поверил, что другого выхода нет и надо быстро строить капитализм. Мне представлялось, что все, что тут раньше было, полностью развалилось. Этого больше нет, и надо быстро строить заново, а как это сделать поскорее? Мне казалось, что рынок — машина и что запустить рыночную машину будет проще всего. Сегодня я знаю, что это была ошибка.

Я и в самом деле пытался смягчить этот переход, но виню себя в том, что мы вообще на это пошли. А если уж пошли, то ничего не поделаешь — кому-то пришлось этим заниматься, и этим кем-то стал я, человек, который ни на мгновение не утратил чувствительности к нищете.

*

Я был одним из ведущих лидеров общественного движения. Я не могу снять с себя ответственность за то, что с этим движением произошло. Я абсолютно уверен, что мы могли с его помощью совершить серьезные преобразования. Лучшим

доказательством этого в то время были создававшиеся компании наемных работников. Они боролись за свое место. Но это прошло мимо меня, я был занят чем-то другим: безработными, бездомными. А они боролись и потерпели поражение. Надо было ставить на это, а не на сумасшедший американский капитализм.

*

Я не человек власти и никогда им не был, поэтому я всегда выступаю в джинсах, стараюсь показать, что с властью не имею ничего общего. Все высшие польские ордена я получал в джинсах. У меня высшие немецкие, украинские, французские ордена, литовская медалью за освобождение Вильнюса. Ну и Белый Орел. Не хватает только звания Героя Советского Союза.

*

Людей для меня важных — что я осознавал, когда встречал их, — было очень-очень много. Нужно честно себе признаться, что важнее всех был отец. Во-первых, потому что он признал мое право сидеть рядом с ним и слушать все разговоры. Он сказал мне, — а я это воспринял как собственную позицию, обусловившую течение всей моей жизни, — что всегда нужно быть на стороне слабого. Моя жена Дануся порой говорит: “Яцусь, Яцусь, тебе уже не обязательно так пришпоривать, пана инженера уже нет в живых”.

Среди этого множества людей нужно кого-то выбрать, и, как ни странно, я выберу целых троих. Яцек Гарвацкий, с которым мы затевали “вальтеровцев”, — это человек совершенно необычайной терпимости, открытости к другому человеку, к другим взглядам, с которыми он не согласен. Собственно, я старался ему подражать, что давалось мне с большим трудом. Второй в этом списке — Ян Юзеф Липский. Все то же самое. С той разницей, что с ним я уже общался сознательно: я осознавал эту терпимость, особо ее ценил. А он без сомнения был маэстро в этой области. И третий — отец Ян Зея. Всей своей жизнью, каждым ее мгновением он давал свидетельство Евангелия, любви к ближнему — ближнему, т.е. каждому и в особенности слабому, гонимому. У “вальтеровцев” действовало право самого маленького. А это ведь и есть право слабого. Я как-то рассказал об этом Зее, а он говорит: “А ты заметил, сынок, что это есть в Евангелии от Иоанна. — Кто из нас важнее? — спрашивают его, а он берет ребенка из толпы и говорит: — Кто из вас не уподобится этому ребенку, не войдет в Царство Небесное”. И поэтому я всегда говорю, что исповедую

Евангелие, т.е. стараюсь в повседневной жизни исполнять его, как умею. Это очень трудно, но на это стоит потратить жизнь.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В ПОЛЬШЕ

Выдвигаю следующий тезис: современный мир все чаще будет заставлять людей двояко, а то и трояко определять свою национальную принадлежность. Уже теперь у нас, в Европе, не только идут процессы интеграции континента, но и растет значение региональных различий. Сознание того, что все мы — “откуда-то”, что наша родная культура влияла на соседей, а культуры соседей наложили и продолжают накладывать отпечаток на нашу культуру, должно уберечь Европу от сепаратизмов, которые в своем крайнем виде могут переродиться в постоянную вражду, даже в некие новые племенные столкновения.

Культура, как, наверно, и все, что жизненно важно для человека, — вещь парадоксальная: она может объединять людей, а может разделять вплоть до вражды. Культура — главный носитель национальных символов, но есть в ней и следы далекого прошлого *homo sapiens*. Она может замкнуться в осажденной крепости одного народа, а может раскрываться навстречу окружающему, не отрекаясь от своего национального самосознания.

Деление на своих и чужих повелось с незапамятных времен и по-прежнему может выполнять защитные функции, окутывая личность и группы людей флером родимого. Ошибкой было бы не замечать социальной ценности этой завесы и заменять один стереотип другим, в данном случае — абстрактно понимаемым требованием безусловной открытости ко всему иному. Между запертой дверью и глухими окнами, с одной стороны, а с другой — раскатанным забором и снесенными стенами, к счастью, есть еще много стадий. Рассудок предписывает хранить умеренность как в замкнутости, так и в открытости. Забота о себе и даже гордость своей национальной принадлежностью не исключают уважения к другим и партнерского использования их культурного достояния.

Добрые отношения с соседями и соблюдение прав национальных меньшинств — требование текущего момента, задача и вызов, перед которыми стоит современная Европа. Сегодня одна из важнейших проблем — отношения большинства с меньшинствами, ослабление деструктивной

силы стереотипного противопоставления “свой — чужой”. Дело в том, чтобы другой имел право быть другим. Чтобы к другому не относились как к чужому и врагу, который угрожает большинству.

Национальным меньшинством считается сообщество граждан страны, которые своим национальным самосознанием отличаются от остальных граждан, доминирующих в данной стране. Часто этому сопутствуют языковые отличия, но это не обязательное условие.

Заметим попутно, что одно дело — национальные меньшинства, а другое — этнические группы. Основа первых — прочное национальное самосознание, вторых — этническое и региональное самосознание в рамках одного народа. Кашуб с Балтийского побережья и гураль из Татр — представители этнических групп польского народа. Диалект, которым пользуются кашубы, почти непонятен татранским горцам, точно так же кашубы с трудом понимают гуральский диалект. Тем не менее и те и другие — поляки. Однако может так случиться, что какой-нибудь кашуб скажет: “Я немец”. А может и так, что гураль придет к выводу: “Я словак”. Если это произойдет — что ж, надо уважать личный выбор. То же касается и силезцев: одни считают себя этническими группами польского народа, другие — региональным вариантом немецкого.

С осени 1989 г. польское государство проводит новую политику по отношению к национальным меньшинствам, особенно к меньшинствам, которые признаны коренным или давно осевшим населением. Это белорусы, чехи, литовцы, немцы, словаки, украинцы и часть лемков (которые считают себя то особым народом, то этнической группой украинского народа). Сотни лет на польской земле рядом с поляками живут группы цыган и евреи. Они с нами так давно, что имеют право считаться “туземцами”! То же в известном смысле касается и потомков караимов, армян и татар — сознающих себя поляками, но помнящих о своих особых национальных и религиозных корнях.

Интересная группа — староверы, имеющие старые русские корни как по национальному происхождению, так и по исповедуемой ими старой форме православия. Десятки лет живут в Польше и потомки русских политэмигрантов. Почти полвека вместе с нами греки и македонцы — политические беженцы и их потомки.

Осенью 1989 г. Польша признала общий принцип, который можно сформулировать почти метафорически: я тот, кем себя считаю. И никто не имеет права требовать от меня доказательств, подтверждающих мою национальную принадлежность. Таким образом, мы выступаем за личные права каждого гражданина Польши, но скептически относимся к групповым правам. Уважение к национальному самосознанию имеет истоком основополагающие права человека и гражданина и в своем глубочайшем смысле совпадает с персоналистическим представлением о человеке как неповторимой личности. “Я не хозяин вашей совести”, — сказал несколько сот лет назад один мудрый польский король из династии Ягеллонов. Мы верны этой максиме.

“Мы, народ Польши...” — так начинается наша конституция, которую я уважаю, хотя предпочел бы формулировку: “Мы, граждане...” При демократическом строе первая и основная характеристика — гражданин, а уж потом — национальная принадлежность. Однако в этом случае категорию “народ” следует трактовать как определение не этническое, а политическое, охватывающее всех граждан Польской Республики. Ст.35 конституции гарантирует польским гражданам, принадлежащим к национальным и этническим меньшинствам, свободу сохранения и развития их языка, сохранения обычаев и традиций, развития культуры.

Национальные меньшинства в Польше могут свободно объединяться. Закон об общественных объединениях от 7 апреля 1989 г. подтверждает основополагающий принцип свободы создания объединений. С момента вступления в силу этого закона зарегистрировано около 120 объединений.

Органам, отвечающим за государственные и муниципальные школы, вменено в обязанность обеспечить право меньшинств на образование в школах с родным языком обучения, в школах с дополнительным обучением родному языку (классы, межклассные группы) или в двуязычных школах и классах.

В министерстве культуры и национального наследия действует департамент культуры национальных меньшинств, поддерживающий постоянные рабочие контакты с основными культурно-общественными объединениями этих меньшинств. Среди главных задач департамента — оказание финансовой помощи культурным мероприятиям и прессе, издаваемой меньшинствами.

В согласии с действующим законом, общественным организациям могут выделяться только целевые дотации на

конкретные дела. Это касается и объединений национальных меньшинств, которые сами должны заботиться о содержании своих штатов и помещений, но пользуются средствами из госбюджета на конкретные проекты, например, на издание журналов или организацию смотров художественной самодеятельности и фестивалей искусств.

Вот несколько примеров, которые могут быть признаны символическими:

— в Варшаве действует содержащийся на бюджетные деньги Государственный еврейский театр, где идут спектакли на идише;

— уже более десяти лет в Хайнувке на востоке Польши проводится большой Международный фестиваль церковной музыки;

— уже несколько лет в Гожув-Велькопольском собираются цыгане на Международные встречи цыганских ансамблей “Романе дивеса”;

— в последние годы под Варшавой проходит всепольский смотр художественных ансамблей национальных меньшинств под девизом “Общность в культуре”;

— благодаря финансовой поддержке министерства культуры и национального достояния выходит пресса национальных меньшинств на многих языках: белорусском, идише, литовском, немецком, цыганском, словацком, украинском, а также на лемковском. Назовем такие издания, как белорусские “Нива” и “Часопис”, литовская “Аушра”, украинские “Наше слово” и “Над Бугом и Нарвою”, лемковскую “Бесиду”, словацкий “Живот”, немецкие “Шлезисхес вохенблатт” и “Мазурише шторхенпост”, еврейский ежеквартальный журнал “Иделэ” и “Слово жидовске”, а также цыганский журнал “Пром п о дром”.

Постоянное осмысление отношений большинства с меньшинствами и меньшинств с большинством особенно необходимо в таких странах, как Польша, то есть там, где доминирует одна нация. Численное превосходство может легко переродиться в некий подспудный ассимиляционный нажим. Отношение к национальным и вероисповедным меньшинствам — своего рода зеркало, в котором видит себя нация, численно доминирующая в данной стране. Последние годы были в Польше очень важны не только по очевидной причине смены общественного строя, но и потому, что мы

начали всерьез размышлять об обязанностях большинства по отношению к меньшинствам. Бесспорное достижение этих лет — укрепившееся убеждение в том, что Польша, хотя в ней численно преобладают поляки, — не национальное, а многонациональное государство.

Проблема национальных меньшинств в Польше косвенно связана с долгосрочной стратегической политикой Польской Республики по отношению к соседям и взаимосвязям с соотечественниками, живущими вне исторической родины. Наше большое достижение последних лет — новый тип отношений с соседями. Это касается объединенной Германии на западе, Чехии и Словакии на юге, Украины, Белоруссии и Литвы на востоке. Добавим сюда и Россию, с которой мы граничим на севере, через прибалтийскую Калининградскую область. Добавим также Данию, Норвегию, Швецию и Финляндию, с которыми нас соединяет Балтийское море. Не забудем о Латвии и Эстонии.

Никогда еще за всю историю у Польши не было таких мирных границ, таких добрых отношений с ближайшими соседями. Важность исторического момента еще и в том, что на востоке мы граничим с государствами, которые ныне занимают территории, некогда бывшие восточными рубежами шляхетской Речи Посполитой. Много веков подряд Польша стремилась на восток (кстати, от этого страдали ее интересы на севере, западе и юго-западе), поляки всегда господствовали там политически, что влекло за собой глубоко укоренившийся патернализм по отношению к литовцам, белорусам и украинцам. Многовековой разнообразный опыт, огромный цивилизаторский труд многих поколений, всеобщая и устойчивая привязанность нашего народа к “кресам”, восточным рубежам былой Речи Посполитой, — все это нелегкое наследие, которым мы должны разумно распорядиться.

Великое переселение народов после II Мировой войны, спровоцированное политической ситуацией, еще больше осложнило и без того непростые отношения между национальностями в Центральной и Восточной Европе. Заметим лишь: довольно символично, что столь важный для поляков город Вильно — теперь столица Литвы и носит литовское название Вильнюс; что овечный польской легендой Львов — важнейший город Западной Украины, называемый по-украински Львів; что польские города Гданьск, Щецин и Вроцлав по-прежнему будоражат немецкое воображение как Данциг, Штеттин и Бреслау...

Серьезный разговор об обязанностях поляков по отношению к согражданам, принадлежащим к национальным меньшинствам, — это в то же время разговор о том, каких мы хотим отношений с ближайшими соседями и как живут поляки за пределами Польши. Здесь сплелись три проблемы: поляки — национальные меньшинства; Польша — ее соседи; поляки на родине — поляки за рубежом. Эти три проблемы тонкими нитями связаны между собой, но не зависят одна от другой непосредственно. Я упоминаю о тонкости этих нитей, чтобы читатель понял: я отдаю себе отчет в деликатности материи, которой касаюсь. У меня нет сомнений, что стратегическая цель Польши — устойчивые партнерские отношения со всеми соседями. У меня нет сомнений, что обязательства польского государства по отношению к меньшинствам вытекают уже из того, что речь идет о гражданах Польской Республики. У меня нет сомнений, что польское государство обязано интересоваться судьбой поляков за рубежом: и тех, кто наделен там статусом национальных меньшинств, и тех, кто этого статуса не имеет.

Выше я трижды сказал “да”: да — партнерским отношениям с соседями, да — обязательствам большинства по отношению к национальным меньшинствам, да — серьезному интересу польского государства к польским национальным меньшинствам в мире, особенно у наших соседей. Из этого троекратного “да” следует четвертая констатация: национальные меньшинства — не политические заложники. Одно дело — стремление к позитивной симметрии, другое — принцип паритета. Первое означает любые официальные действия Польской Республики, направленные на то, чтобы наши соседи обеспечивали живущим у них польским национальным меньшинствам возможности защиты их национальной и культурной принадлежности, подобные тем, которыми располагают в Польше “коренные” национальные меньшинства. Второе же заводит в тупик, сводится к инструментальному, крайне политизированному обращению с национальными меньшинствами.

Отношение к национальным меньшинствам — ценность автономная, и нельзя сводить ее к функции взаимоотношений Польши с тем или иным государством и взаимоотношений данного государства с польским национальным меньшинством.

Чтобы честно общаться с национальными меньшинствами, осевшими в Польше, и с поляками, живущими в соседних странах, надо четко определить пределы поддержки как

требований меньшинств, так и чаяний соотечественников, с надеждой взирающих на родину-мать. Всякое предложение, адресованное меньшинством большинству, должно рассматриваться одновременно в двух аспектах. Во-первых, с точки зрения обязанности доминирующей нации поддерживать культурное самосознание других. Во-вторых, в заботе о территориальной целостности и вообще о безопасности страны проживания. Два эти кардинальных принципа определяют границы того пространства, на котором следует строить необходимые для данного государства внутренние отношения между большинством и меньшинствами, а также взаимосвязи между отечеством и соотечественниками в диаспоре. Это влечет за собой политические последствия. Строя межгосударственные отношения, необходимо постоянно учитывать проблемы национальных меньшинств, основывать эти отношения на принципах равноправия и подлинного партнерства: всякое государство должно прилагать к своим национальным меньшинствам в мире те же критерии, что и к инонациональным меньшинствам на своей территории.

Однако повторяюсь: речь идет не о правилах паритета, а о применении единых критериев к действиям, направленным на охрану национальной принадлежности поляков в рассеянии, особенно там, где они составляют осевшее меньшинство, и на охрану духовных потребностей исторических меньшинств в рамках польского государства.

Национальные меньшинства функционируют как бы в двух качествах: относительно большинства — как лояльные граждане страны проживания, а сами по себе — как представители народа, обычно объединенного (кроме цыган и части лемков) в другое государство. Эта двойственность может стать для обеих сторон ценностью, но может — и очагом конфликтов. Проблема в том, что обе стороны: и большинство, и меньшинство — отягощены грузом прошлого и стереотипами как старого, так и нового образца.

На протяжении бурной истории Центральной и Восточной Европы не было недостатка в вооруженных конфликтах. Происходили столкновения между соседями. Лилась кровь. От всех нас зависит, сумеем ли мы отрешиться от дурного прошлого. Меньшинство должно уважать страну своего проживания. Большинство должно избавиться от чрезмерной подозрительности и смириться со своего рода амбивалентностью требований меньшинств: ибо, с одной стороны, меньшинства требуют обеспечить им все права,

которыми пользуется большинство, с другой же — неустанно подчеркивают свою инаковость. Эту двойственность необходимо принять и практически признать.

Коль скоро люди, принадлежащие к национальным меньшинствам, являются гражданами Польской Республики, все их гражданские права неотъемлемы. Коль скоро часть наших сограждан — это островок в польском море, необходимо особое правовое регулирование и специальная финансовая помощь государства, чтобы поддержать их национальное и культурное самосознание. Это не привилегии для меньшинства, а лишь уравнивание шансов, смягчение неудобств, проистекающих из того, что меньшинство — островок в море иного народа и иной культуры.

СОЛИДАРНОСТЬ: НЕМНОГО ИСТОРИИ

Солидарность народов или любых человеческих множеств всегда начинается с солидарности людей, отдельных личностей, желающих и имеющих возможность побудить к этой солидарности своих близких. Такими людьми были два главных редактора, с которыми мне довелось работать в эмиграции, — Владимир Максимов (“Континент”) и Ирина Иловайская-Альберти (“Русская мысль”). Без них и мне не удалось бы внести свой вклад в распространение того чувства солидарности, которое, надеюсь, возникало у русских по отношению ко всем нашим братьям по судьбе, ко всем узникам “всемирной зоны” коммунизма. Но тут надо признаться, что все мы страдали небеспристрастностью, испытывая особые чувства к полякам и проявляя по отношению к ним особую солидарность. О деятельности двух моих главных редакторов, о своей работе вместе с ними я и хочу рассказать.

В первые же месяцы моей эмиграции я начала работать в “Континенте”, а сотрудничать с “Русской мыслью” стала не сразу, даже не сразу после прихода Ирины Алексеевны Иловайской на пост главного редактора. Поэтому — вначале о “Континенте”.

Хотя возникновение “Континента” я не наблюдала своими глазами, но путеводную мысль, которая руководила его созданием, Владимир Максимов изложил мне еще в Москве, незадолго до своего отъезда в Париж. Он сказал: “Мне предлагают делать на Западе журнал. Но я не хочу, чтобы это был еще один журнал русской эмиграции. Я соглашусь только при условии, что там будет объединена вся восточноевропейская оппозиция”. Известно, что, прибыв на Запад, Максимов побывал у Солженицына, советовался с ним о журнале и совет Солженицына был очень простой: “Пойдите в “Культуру” — они вам помогут”. Что Максимов и сделал — и не только сотрудничество, но и дружба с “Культурой” сохранялась до последних дней его жизни. Так вышло, что с самого начала Восточную Европу в организации журнала, а не только на его страницах представляли в первую очередь поляки.

Но на страницах — конечно, не только они. Приведу пример. В первых пяти номерах “Континента” — лишь в тех пяти номерах, которые я успела прочесть в Москве до своей эмиграции, напечатаны стихи будущего нобелевского лауреата Ярослава Сейферта, беседы с Милованом Джиласом и главой латышских социал-демократов в изгнании Бруно Калныньшем, воспоминания кардинала Миндсенти и его соотечественника, бывшего гулаговского зэка Франца Варкони-Лебера, анонимная статья из Варшавы “Как я понимаю “Письмо вождям”” — теперь мы знаем, что ее автором был Виктор Ворошильский, статьи и эссе Густава Херлинга-Грудзинского, Лешека Колаковского, Леопольда Лабендзя, Юлиуша Мерошевского, болгарина Димитара Бочева, литовца Альгирдаса Ландсбергиса, украинцев Валентина Мороза (текст, полученный из советского лагеря) и Ивана Кошеливеца, украинского греко-католического кардинала Иосифа Слипого, тоже бывшего советского зэка, чехов Иржи Гохмана, Людека Пахмана и Йозефа Смрковского, югославов Гайко Борича и Михайло Михайлова, эстонки Аделаиды Ламберг, документы о хорватских оппозиционерах в югославских тюрьмах и, наконец, заявление “Мера ответственности” к годовщине советского нападения на Польшу 17 сентября 1939 года, которое подписали Иосиф Бродский, Андрей Волконский, Александр Галич, Наум Коржавин, Владимир Максимов, Виктор Некрасов и Андрей Синявский и к которому несколькими отдельными строками присоединился из Москвы Андрей Дмитриевич Сахаров. Я хотела бы завершить этот длинный, может быть, утомительный, но, надеюсь, красноречивый перечень заключительными строками заявления семи крупнейших эмигрантских деятелей культуры:

“Мы глубоко убеждены, что в общей борьбе против тоталитарного насилия и разрушительной лжи между нами сложится совершенно новый тип взаимоотношений, который навсегда исключит какую-либо возможность повторения ошибок и преступлений прошлого. И это для нас не слова, а кредо и принцип”.

Тогда еще не было найдено слово, чтобы определить этот “новый тип взаимоотношений”, — несколько лет спустя оно прозвучало на весь мир из Польши. Это слово — солидарность, и не только как название профсоюзного объединения, но как “кредо и принцип”.

Владимир Максимов как главный редактор “Континента”, писатель и человек остался верен этому принципу до конца дней. Напомню, что его последняя, практически предсмертная

поездка за границу была в Польшу и те несколько дней, которые он здесь провел, он был счастлив.

Я специально остановилась на тех номерах “Континента”, которые успела прочесть еще до своей эмиграции. Нередко можно слышать, что появление польских и вообще восточноевропейских материалов на страницах “Континента” — чуть ли не моя личная заслуга. Надеюсь, что вышесказанное вполне опровергает это несправедливое мнение: заслуга полностью остается за Максимовым. Именно благодаря его “кредо и принципу” все, что в дальнейшем я ему предлагала, все, что переводила с польского и других славянских языков, всегда могло рассчитывать на публикацию на страницах “Континента”.

Хочу привести одно замечательное высказывание Владимира Максимова. В 1978 г. он позвонил мне по телефону, чтобы сообщить, что кардинал Кароль Войтыла избран Папой, и восторженно — а восторженность совсем не была ему свойственна — прибавил: “Теперь мы не сироты: у нас есть Папа!” Между тем Владимир Емельянович был человеком глубоко, ревностно православным, даже, сказала бы я, не слишком экуменическим. Но в избрании Иоанна Павла II он, несомненно, ощутил важный поворот в судьбах всего нашего мира — мира “тоталитарного насилия и разрушительной лжи”.

Такой же важный поворот ощутили мы все в августе 80 го. Мы уже внимательно следили за деятельностью польской оппозиции, публиковали ее документы, в частности целиком первый номер “Информационного бюллетеня” КОРа. Создание “Солидарности”, а затем — может быть, особенно — деятельность “Солидарности” в подполье после объявления военного положения дали новый стимул нашему прямому и постоянному сотрудничеству. Я не буду продолжать рассказ о “Континенте”: ясно, что мы печатали массу польских статей и документов. Перейду к “Русской мысли”, которая, в отличие от ежеквартального журнала, имела возможность из недели в неделю отражать происходившее в Польше.

Впрочем, мое сотрудничество с “Русской мыслью” началось не без помощи “Континента”, в данном случае редакции его немецкого издания, где работал поляк, получавший в 1980–1981 гг. документы “Солидарности”, еще легальной. Время от времени я делала их обзор или тематическую статью, и Ирина Алексеевна, недавно заступившая на пост главного редактора газеты, всегда это приветствовала и просила меня продолжать.

Но полноценное сотрудничество началось после 13 декабря 1981 года.

Здесь мне уже помогали парижские поляки — те, что в момент объявления военного положения оказались в Париже и создали парижский Комитет солидарности с “Солидарностью”. Без них, особенно без архивариуса комитета Яцека Кравчика (ныне архивариуса “Культуры”) никогда не состоялось бы то, что Густав Херлинг-Грудзинский назвал “лучшим в мире польским сервисом”. Из недели в неделю я делала обзор событий по подпольным документам, занимавший в газете такое место, что недоброжелатели начали говорить, что это не “Русская мысль”, а “Польская мысль”. Не все были довольны этим и внутри редакции. Но Ирина Алексеевна твердо стояла на необходимости этих материалов. Для нее было ясно, что в этот момент Польша — передний край борьбы с тем самым “тоталитарным насилием и разрушительной ложью”.

Избранные материалы первых полутора лет военного положения составили книгу “Несломленная Польша”, вышедшую в издательстве “Русской мысли”. К сожалению, из-за краха типографии не вышел и безвозвратно пропал отданный в печать второй выпуск книги.

С особым вниманием Ирина Алексеевна относилась к обзорам паломничеств Иоанна Павла II в Польшу. И не потому только, что она сама была католичкой. Тут я, пожалуй, выскажу одну рискованную мысль: мне кажется — правда, я никогда ее не спрашивала, и, может быть, это лишь мой домысел, — что только с избранием кардинала Войтылы Папой она со всей полнотой ощутила свое католичество, полученное путем брака с католиком-итальянцем. И в то же время остро ощутила свою принадлежность к обеим Церквям — католической и православной. Уже после ее смерти мы узнали, что в 1980 г. она дала обет трудиться на благо единения Церквей, которое она понимала, разумеется, не как переход православных под скипетр Рима, но как полное общение. Слова Иоанна Павла II о “Церквях-сестрах”, о “двух легких”, которыми дышит Церковь, были ей необычайно близки, как и слова одного из православных иерархов XIX века о том, что перегородки между Церквями не доходят до неба.

В то же время ей было ясно, что паломничества Папы в Польшу, помимо религиозного, имеют и общественное, а следовательно, и политическое значение. Тоталитаризм подрывался не военной силой, не той атомной бомбой, с которой поляки когда-то мечтали дойти “до Львова” (“Една бомба атомова, и дойдземы аж до Львова”), — он подрывался

снизу: общество переставало быть игрушкой в руках тоталитарного режима, самоорганизовывалось, становилось гражданским обществом. Плоды этого всем нам известны, за полукрахом коммунизма в Польше наступил его полный крах, падение Берлинской стены, “бархатная революция” в Чехословакии и так далее, вплоть до краха и распада самой “империи зла”.

Я счастлива, что благодаря двум моим главным редакторам смогла внести свой малый вклад в это крушение.